

Беликов Александр Павлович

**РИМ И ЭЛЛИНИЗМ.
ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ, ЭКОНОМИЧЕСКИХ
И КУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ**

Специальность 07.00.03 – Всеобщая история
(история древнего мира)

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Ставрополь – 2003

Работа выполнена на кафедре истории древнего мира и средних веков
Ставропольского государственного университета

Научный консультант: доктор исторических наук, профессор
Кудрявцев Александр Абакарович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Егоров Алексей Борисович
доктор исторических наук
Кошеленко Геннадий Андреевич
доктор исторических наук, профессор
Молев Евгений Александрович

Ведущая организация: **Институт Всеобщей Истории РАН**

Защита состоится «26» декабря 2003 г. в 12 часов на заседании
диссертационного совета Д 212256.03 в Ставропольском государственном
университете по адресу: 355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, корпус 1 а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Ставропольского
государственного университета.

Автореферат разослан « 24 » ноября 2003 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук, профессор **И.А.Краснова**

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что восточная политика Римской республики - сложная дискуссионная тема, весьма далёкая от своего окончательного решения и привлекающая всё новые и новые поколения исследователей, иногда подходящих к ней с диаметрально противоположных и даже взаимоисключающих позиций. Важны несомненные выходы темы на самые животрепещущие проблемы современности: проблема моральной оценки действий политиков, причины и возможные пути преодоления этнической вражды, процессы культурного синтеза и порождённые ими противоречивые осложнения внутренней жизни общества.

Предметом нашего изучения являются основные проблемы взаимоотношений Рима с эллинистическим миром: политические (дипломатические и военные), экономические и культурные. А также проблема сходства и различий между римлянами и греками, синтеза и преемственности их культур, степени самостоятельности и оригинальности римской культуры.

Степень изученности темы. *Зарубежная историография*. Её развитие вообще и по нашей теме в частности, можно разделить на четыре этапа, с довольно условными хронологическими границами, но со специфическими чертами, присущими каждому из них.

1. Период становления: до середины 19 века. Недостатки: некритическое отношение к источникам, напыщенность и многословие, малое количество специальных работ, посвящённых конкретным вопросам, пересказ фактов и почти полное отсутствие *проблематики исследования*.

Из наиболее значимых имён выделим Ш. Монтескьё¹. Характер войн и военной организации Рима автор выводит из особенностей социально-политического устройства, трезво оценивает римскую политику, критически излагает материал источников. Он убедительно объясняет порчу нравов и общую деградацию римлян ролью богатства, успешными завоеваниями и неравенством в распределении земли. На наш взгляд, верно оценена деятельность Филиппа V, *вынужденного* подчиняться Риму и отмечена тяга царя к мелким захватам. Работа и сейчас не утратила значения, и во многом Ш. Монтескьё опередил науку своего времени.

Важной вехой в развитии романистики стали первые тома «Истории Рима» Т. Моммзена². Находясь на рубеже выделенных нами 1 и 2 периодов, они

¹ Montesquieu C. Considerations sur la causes de la grandeur de Romains et leur decadence. Paris, 1734.

² Mommsen T. Römische Geschichte. 2 Bd. Berlin, 1854-1855.

одновременно стали и шагом вперёд, и шагом назад. По методам исследования они принадлежат уже к новой эпохе: научная критика источников, проблемный характер изложения, анализ событий, оригинальные выводы, много новых идей. Правда, далеко не все выводы бесспорны, так, нельзя падение Македонии объяснять лишь особенностями характера Персея³. Вместе с тем, а это и есть шаг назад, - автор своим авторитетом надолго закрепил в науке главный недостаток первого периода: идеализацию римлян и их политики. Т. Моммзену принадлежит идея «защитного империализма», оказавшая колоссальное влияние на историографию.

2. Период зрелости: до середины 20 века. Однако тогда же появились работы, полемизирующие с таким подходом, а также свойственными Т.Моммзену модернизаторскими тенденциями. Они более академичны, изложение взвешенное, авторы стараются быть предельно объективными и не допускать в научные построения личные симпатии и антипатии, чем так «грешили» труды Т. Моммзена. Это и есть один из критериев (более зрелые работы, избавившиеся от детской восторженности и юношеской пылкости), позволивших нам датировать начало второго периода. Например, характерна книга В. Ине, осуждавшего жестокость и коварство римлян, указывавшего на тенденциозность источников и необходимость критического к ним отношения⁴. На наш взгляд, В. Ине впадает в другую крайность, априори постулируя эту пресловутую жестокость как неотъемлемую черту ментальности квиристов. Реалистическими взглядами отличается и обстоятельная работа Г. Герцберга, сомневающегося в намерении Филиппа V начать решительную войну с Римом и отмечавшего, что заслуга римлян - это создание единой «национальной державы»⁵.

Интересен труд К. Нича⁶, выражавшего сомнение в желании Филиппа V воевать в Италии, но не развившего эту мысль. Автор обращался к вопросу, почему сенат так долго отказывался от приобретения провинций. По его мнению, это шло от желания сохранить крестьянское хозяйство и не отвлекать граждан на гарнизонную службу. Эта позиция стала общепринятой в историографии, хотя, на наш взгляд, она даёт неполное объяснение столь сложной проблемы. В этой связи нельзя не упомянуть труд В.

³ См.: Raditsa L. *Bella Macedonica* // ANRW. Bd. 1. Berlin; New York, 1972. P. 579.

⁴ Ihne W. *Römische Geschichte*. 2 Aufl. Bd. I. Leipzig, 1893. Первое издание вышло еще в 1868 г.

⁵ Рус. перевод: Шлоссер Ф. *Всемирная история*. Т. 3. СПб., 1862; Вебер Г. *Всеобщая история*. Т. 3. М., 1892. Герцберг Г. *История Рима*. СПб., 1881. С.324, 379.

⁶ Nitzsch K. *Geschichte der Römischen Republic*. 2 Bd. Leipzig, 1884-1885.

Дюруи. Важен его тезис о том, что сенат, завоевав мир, не знал, как им управлять⁷. Вероятно, именно В. Дюруи является родоначальником популярной и сейчас теории, объясняющей длительность перехода к провинциям косностью политического мышления римлян.

Ценным вкладом в историографию стала работа «историка-психолога» Г. Ферреро⁸. Она наиболее полно воплотила в жизнь второй принцип, по которому мы выделили период «зрелости»: интерес к психологическому миру творцов истории, стремление вскрыть самые глубинные мотивы поступков человека. Отношения Рима с Грецией специально посвящена монография Г. Колена. Причиной агрессии на Балканы автор считает самих греков, вызвавших её своими раздорами, настаивает на мягком характере политики сената, сенаторов довольно произвольно делит на либералов, жёстких либералов и сторонников подавления. Большим минусом книги является то, что Г. Колен обошёл концептуальный вопрос, была ли Греция свободной после 146 г. до н.э.⁹ Вероятно, именно потому, что ответ на такой вопрос разрушил бы все его построения о благостной роли Рима на Балканах. Это и есть главный недостаток второго периода - в нём господствовала идея «защитного империализма». Развивая её, М. Олло создал теорию превентивных войн¹⁰. Согласно Т. Франку, во всех войнах Рим защищал себя и свободу союзников¹¹. Неудивительно, что внешнюю политику Рима он считал «идеалистической», изменение курса связывал всего лишь с возросшим практицизмом, а медлительность перехода к провинциальному устройству объяснял затянувшимися экспериментами с протекторатом¹². С другой стороны, М.Ростовцев, отрицая наличие обдуманного империализма в Риме, в то же время отмечает несентиментальный характер римской политики¹³, что стало явным шагом вперёд.

Для понимания специфики римской экономики огромное значение имеет капитальный труд под общей редакцией Т. Франка¹⁴ и ряд специальных монографий авторитетных зарубежных учёных. Монументальную работу об экономике и торговле эллинизма издал М. Ростовцев¹⁵.

⁷ Duruy V. Histoire romaine. Paris, 1850.

⁸ Ferrero G. Grandezza e Decadenza di Roma. Vol. 1. Rome, 1904.

⁹ Colin G. Rome et la Grece de 200 a 146 au J.C. Paris, 1905. P. 665, 642.

¹⁰ Holleaux M. Rome, et la Grece et les monarchies hellenistiques. Paris, 1920.

¹¹ Frank T. Roman imperialism. 2nd ed. New York, 1929. (Первое издание вышло ещё в 1914 г.)

¹² Frank T. A history of Rome. New York, 1928. P. 148, 164.

¹³ Rostovtzeff M. A history of the ancient world. Vol. 2. Oxford, 1927. P. 70, 72.

¹⁴ ESAR. Vol. 1. Baltimore, 1933; Vol. 4. Baltimore, 1938.

¹⁵ Rostovtzeff N. SEHW. 3 Vol. Oxford, 1941.

Следует остановиться на работе Р.Сайма, применившего новый тогда просопографический метод¹⁶, основоположником которого можно считать ещё М. Гельцера¹⁷. Его конечный вывод: политическая борьба в Риме определялась не спором партий или политических программ, а столкновением интересов самых влиятельных фамилий, вокруг которых группировались приверженцы, связанные с ними чисто личными отношениями.

3. Аналитический период: до начала 90 гг. 20 века. Для него характерны:

1) возросший интерес к социально-экономическим вопросам, что мы отчасти склонны объяснять желанием западных историков «дать отпор» социологизаторским схемам советских античников и нарастающему влиянию марксизма в исторической науке; 2) критический пересмотр концепций предшествующего периода; 3) более высокая степень аналитичности; 4) обобщение накопленного материала, создание академических многотомных историй античности.

Важным событием стало издание книги Э. Бэдиана¹⁸. Ему принадлежит выработка концепции иностранной клиентелы. Осознание её неэффективности привело к прямому управлению завоёванными территориями, но главным фактором Э. Бэдиан считает лишь малую эффективность прежней системы. Важен вывод автора об отсутствии у сената заранее обдуманного плана завоевания Средиземноморья. Признавая наличие римских интересов на Востоке, он в то же время верит и в миролюбие сената.

Для своего времени заметным явлением стало издание многотомной «Кембриджской древней истории»¹⁹. Однако она впитала в себя не только достижения, но и недостатки периода, в частности, концепцию «оборонительного империализма». Ряд утверждений не выдерживает никакой критики. Например, мнение М. Олло, что подлинными творцами 2 Македонской войны были Пергам и Родос, а Рим, думая, что защищает свои интересы, служил интересам этих стран²⁰. В итоге она довольно быстро морально устарела, что и привело к появлению нового издания, которому, похоже, суждена долгая жизнь, т.к. оно избавилось от многих минусов предыдущего.

Совместными усилиями западных антиковедов был осуществлён фундаментальный труд «Подъём и упадок римского мира»²¹, уделивший значительное

¹⁶ Syme R. Roman revolution. Oxford, 1933.

¹⁷ Gelzer M. Die Nobilitat der romischen republic. Leipzig; Berlin, 1912.

¹⁸ Badian E. Foreign clientella. Oxford, 1958.

¹⁹ The Cambridge Ancient History. Vol. VIII. Rome and the Mediterranean 218-133 B.C. Cambridge, 1930; Vol. IX. The Roman Republic 133-44 B.C. Cambridge, 1932.

²⁰ Holleaux M. Rome and Antiochus // CAH. Vol. VIII. P. 240.

²¹ Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. Erster Band. Berlin, New York, 1972.

внимание восточной экспансии Рима. Свой вклад в биографический жанр внёс Г. Бенгтсон, но, подобно многим предшественникам, он искусно обошёл дискуссионный вопрос об итальянских амбициях Филиппа V²², якобы действительно имевших место в планах македонского царя.

Длительную дискуссию вызвала неординарная работа У. Харриса, детально исследовавшего римский империализм периода республики²³. Книга опровергает многие устоявшиеся представления. Однако автор почти всё сводит только к жажде славы и добычи, преувеличивает агрессивность квиритов, не затрагивает причин перехода к провинциям, не даёт чёткого решения проблемы аннексии. Восточной агрессии Рима уделили внимание столь авторитетные учёные, как «патриарх антиковедения» А. Тойнби, Э. Бэдиан, П. Бенеке, В. Эренберг, Н. Хэммонд, Г. Делл и многие другие, однако некоторые их выводы представляются нам недостаточно обоснованными. Р. Эррингтон²⁴ уточнил датировку вступления Этолии в I Македонскую войну. И. Гарлан одним из немногих указал, что причиной Иллирийских войн были не коммерческие, а стратегические интересы Рима; что отношение сената к этолийцам определялось прежде всего той ролью, которую они играли или пытались играть в жизни Греции²⁵. Из принципиально важных отметим работу Ф. Уолбэнка²⁶, одного из самых глубоких антиковедов мира. Дав общий очерк покорения Римом востока, он подробно описал традиционную для эллинистических правителей политику «освобождения» подданных своих врагов, в результате которого «освобождённые» лишь меняли хозяев. Для изучения этнопсихологических аспектов отношений Рима с соседями много сделал Э. Грюен²⁷. Наиболее важный его труд - «Эллинистический мир и подъём Рима» является поистине вершиной антиковедческих исследований. Однако общая установка автора, последовательно отрицающего использование сенатом итальянского опыта на востоке²⁸, систему иностранной клиентелы в Греции²⁹, наличие

²² См. рус. перевод: Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 264.

²³ Harris W. War and imperialism in republican Rome. 327-70 B.C. Oxford, 1979.

²⁴ Errington R.M. The dawn of Empire. Rome's Rise to World Power. Ithaca; New York, 1973.

²⁵ Garlan I. War in the Ancient World. A Social history. London, 1975. P. 34-35.

²⁶ Walbank F.W. The Hellenistic World. 2nd ed. New Jersey, 1981.

²⁷ См. например: Gruen E.S. Culture and National Identity in Republican Rome. Ithaca; New York, 1992; Idem. Studies in Greek Culture and Roman Policy. Berkeley; Los Angeles; London, 1996.

²⁸ Gruen E.S. The Hellenistic World and the Coming of Rome. Berkeley; Los Angeles, 1984. Vol. 1. P. 52, 157.

²⁹ Gruen E.S. Opus cit. Vol. 1. P. 54, 76, 159, 162, 168, 184, 185, 199; Vol. 2. P. 722.

неравноправных договоров³⁰ и римского арбитража³¹ представляется не совсем оправданной.

4. Современный период: с начала 90 гг. 20 века. Начало периода определено нами довольно условно по следующим критериям. 1. Развитие контактов благодаря электронной почте. Улучшение доступа к информации благодаря Internet. 2. Увеличение роли ранее «периферийных» центров антиковедения. Растущий международный авторитет финских, испанских, голландских, чешских, польских, хорватских античников, в меньшей степени - отечественных. 3. Становление «примирения» отечественного антиковедения с западным, «возвращение» нашей науки в единую мировую науку.

Исследование эволюции эллинистического мира и его взаимоотношений с Римом написал П. Грин. Его оценки взвешены, а выводы по-настоящему современны, хотя порой он допускает бездоказательные утверждения. Констатируя, что римляне с удовольствием проявляли ксенофобию по отношению к грекам, он полагает, что саму ксенофобию квириды у них же и позаимствовали. А его оценка римско-еврейского договора 161 г. представляется нам спорной³². Испанская историография отметилась основательным исследованием Л. Бальестерос Пастора о Митридате Евпаторе³³. Отметим книгу М. фон Альбрехта, по-новому взглянувшего на старый спор о том, кто был выше: Гомер или Вергилий, и «защитившего» римлянина. Выступая против традиционных нападок на римскую культуру, автор отмечает, что Рим был не только посредником греческого влияния, но и создал свой собственный мир образов, практическую жизненную философию, право и систему государственного устройства, ставшую основой большинства европейских государств³⁴.

На волне гендерной истории очень современную и необычайно психологическую книгу о Клеопатре издала И. Фрэн³⁵. Глубиной анализа её работа, пожалуй, превосходит всё до сих пор написанное о знаменитой царице. Финский исследователь А. Лямпела подвёл итог изучению римско-египетских отношений в очень добротной монографии, действительно

³⁰ Opus cit. Vol. 1. P. 52.

³¹ Ibid. P. 99, 119.

³² См.: Green P. Alexander to Actium. The historical evolution of the Hellenistic age. Berkeley; Los Angeles, 1993. P. 319, 441.

³³ Ballesteros Pastor L. Mitridates Eupator, rey del Ponto. Granada, 1996.

³⁴ Albrecht M. von. Rom: Spiegel Europas: Texte und Themen. Heidelberg, 1998. S. 653-654.

³⁵ Французское издание 1998 г., рус. перевод см.: Фрэн И. Клеопатра, или неподражаемая. М., 2001.

представляющей собой последнее слово науки³⁶. Подкупают краткость и чёткость изложения, самостоятельность автора и его критическое отношение к авторитетам, даже таким, как Э. Грюен. К сожалению, работа обрывается 80 г. I в. до н.э., оставив без внимания самые драматические страницы римско-египетских отношений.

В *отечественном антиковедении* следует выделить несколько существенно отличающихся друг от друга этапов. 1. **Начальный: до 70 гг. 19 века.** В этот период труды русских историков имели преимущественно общий характер и сводились к пересказу источников и выводов немецких авторов. Качество исследований было недостаточно высоким, особо оригинальных мыслей они не содержали, за исключением совсем немногих работ³⁷.

Специальных работ по интересующей нас теме в первый период не создано. Выделим лишь небольшую книгу И.А. Решетникова. Автор отметил: римляне заимствовали у греков то, что «сходно было с образом мнения их и правления» и - «ученики скоро ничем не уступали учителям»³⁸. Г.Л. Комаровский, вероятно, первым в нашей литературе отметил великую роль войны в слабо развитой римской экономике. Кроме того, он проанализировал в ней структуру импорта и экспорта, осудил безудержный грабёж провинций³⁹.

2. **Прогрессирование и расцвет: до 1917 г.** Преимущественное внимание уделялось Греции и императорскому Риму. Но фундаментальное исследование М.И. Ростовцева⁴⁰ важно для понимания экономической жизни провинций и отношения провинциалов к Риму. Работа В.И. Герье интересна выводами о негативных для Рима последствиях завоеваний⁴¹. Заметным явлением стали «Очерки истории римской империи», много внимания уделившие внутривластной борьбе в период поздней Республики

³⁶ Lampela A. Rome and the Ptolemies of Egypt. The Developments of their Political Relations 273-80 B.C. Helsinki, 1998.

³⁷ См. например: Благовещенский Н.М. Гораций и его время. СПб., 1864; Васильевский В.Г. Политическая реформа и социальное движение в Древней Греции в период её упадка. СПб., 1869.

³⁸ Решетников И.А. Опыт рассуждения о том, что именно римляне переняли от греков и этрусков, и каким образом заимствования от сих народов обратили в свою пользу. М., 1817. С. 9, 14, 17.

³⁹ Комаровский Г.Л. Очерки Рима в финансовом и экономическом отношениях. М., 1869. С. 7, 52, 79-109, 138.

⁴⁰ Ростовцев М.И. История государственного откупа в Римской империи (от Августа до Диоклетиана). СПб., 1899.

⁴¹ Герье В.И. Основы римской истории. М., 1903.

и, в общих чертах, необходимости преобразований⁴². С.А. Жебелёв много сделал для уточнения нескольких конкретных моментов балканской политики сената⁴³.

3. Упадок: примерно до конца 50 гг. 20 века. После 1917 г. в истории надолго утвердились схематизм и социологизаторство. Но следует отметить и некоторые положительные моменты: материалистическое понимание исторических процессов, внимание к социально-экономическим аспектам.

Двухтомник В.С. Сергеева осветил многие недостаточно разработанные или спорные вопросы. В частности, важен его вывод, что всадническое сословие окончательно сложилось не ранее конца II в. до н.э. Интересны исследования юридического положения провинциалов⁴⁴. Краткий обзор римской политики дал А.Г. Бокшанин⁴⁵, правда, мы не можем согласиться с категорическим утверждением автора о желании Филиппа V воевать в Италии. А.Б. Ранович показал римскую агрессию с точки зрения эллинистических государств⁴⁶. Это первый в отечественной историографии труд, достаточно подробно рассматривающий восточную экспансию Рима, однако общие выводы автора устарели и далеко не со всеми его утверждениями можно согласиться.

40-50 гг. прошли под знаком изучения прежде всего экономических и социально-экономических отношений⁴⁷. К сожалению, развитию историографии препятствовали идеологические мотивы, диктат сверху, отсутствие свободы дискуссий, чрезмерное абсолютизирование материальных, социальных факторов и классовой борьбы, нападки на «романоцентризм». Всё это в значительной степени обедняло нашу науку. Некоторые пережитки этого периода не изжиты до сих пор, сказываясь даже в новейших работах.

4. Позднесоветский период: до начала 90 гг. 20 века. Качество работ, освободившихся от некоторых идеологических догм, стало заметно выше. Римско-селевкидские отношения изложены в монографии А.Г. Бокшанина⁴⁸. Нам представляется неубедительным мнение автора, что Македонию и Вифинию вступить в союз с Римом вынудила агрессивность Антиоха⁴⁹.

⁴² Виппер Р.Ю. Очерки истории римской империи. М., 1908.

⁴³ Жебелёв С.А. Первый год 2 Македонской войны // ЖМНП. 1894. Ноябрь. С. 104-125; он же. Из истории Афин. 229-31 гг. до Р.Х. СПб., 1898.

⁴⁴ Сергеев В.С. Очерки по истории древнего Рима. Т. 1. М., 1938. С. 130, 123.

⁴⁵ Бокшанин А.Г. История международных отношений в древнем мире. М., 1948.

⁴⁶ Ранович А.Б. Эллинизм и его историческая роль. М.; Л., 1950.

⁴⁷ Самохина Г.С. Советская историография эллинизма (основные этапы развития)

// Изучение и преподавание истории в высшей школе. Петрозаводск, 1985. С. 44.

⁴⁸ Бокшанин А.Г. Парфия и Рим. Т. 1. М., 1960.

⁴⁹ Указ. соч. С. 214.

Важны для темы труды С.Л. Утченко, касающиеся проблемы взаимного влияния внутренней и внешней политики⁵⁰. Двухтомник А.С. Шофмана очень подробно проанализировал многие аспекты римско-македонские отношений⁵¹. Статья Е.М. Штаерман «Эволюция идеи свободы в древнем Риме» позволила с новой стороны взглянуть на проблему филэллинизма и его понимания самими римлянами⁵².

В этот период появилось несколько интересных кандидатских диссертаций⁵³. В.В. Юрєва проанализировала последний этап римско-египетских отношений⁵⁴. Международную политику эпохи раннего эллинизма глубоко исследовал В.Д. Жигунин⁵⁵. Интересны диссертации и статьи Ю.Е. Журавлёва⁵⁶ и В.И. Перовой⁵⁷, хотя далеко не все их выводы бесспорны.

Пергаму, Малой Азии и Риму посвящены статьи О.Ю. Климова⁵⁸. С начала 80-х гг. над историографией римско-эллинистических отношений

⁵⁰ Утченко С.Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965; он же. Цицерон и его время. М., 1975; он же. Юлий Цезарь. М., 1975.

⁵¹ Шофман А.С. История античной Македонии. Т. 1. Казань, 1960; Т. 2. Казань, 1963.

⁵² Штаерман Е.М. Эволюция идеи свободы в древнем Риме // ВДИ. 1972. № 2. С. 41-59.

⁵³ Малеванный А.М. Иллирийцы и их борьба против экспансии рабовладельческих государств: Автореф. дис... канд. ист. наук. Воронеж, 1969. Ханкевич О.И. Роль народных трибунов и собраний плебса в общественно-политической жизни Римской республики II в. до н.э. (до Гракхов): Автореф. дис... канд. ист. наук. Минск, 1978; Трухина Н.Н. Борьба внутри римского нобилитета в конце III - начале II в. до н.э.: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1974; она же издала интересную монографию: Политика и политики «золотого века» римской республики. М., 1986.

⁵⁴ Юрєва В.В. Взаимоотношения Рима и Египта в первой половине I в. до н.э.: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1975.

⁵⁵ Жигунин В.Д. Международные отношения эллинистических государств в 280-220 гг. до н.э. Казань, 1980; он же. Международная политика эллинистических государств (280-220 гг. до н.э.): Автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 1989.

⁵⁶ Журавлёв Ю.Е. Лозунг борьбы за свободу греков в римской политике 99 гг. II в. до н.э. // Проблемы всемирной истории. М., 1974; он же. Некоторые аспекты восточной политики римской республики начала II в. до н.э. и западная историография // ИСКНЦВШ. 1975. № 3; он же. Взаимоотношения Рима с державой Селевкидов (200-160 гг. до н.э.): Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1982.

⁵⁷ Перова В.И. Социально-политическая борьба в Греции в период экспансии Рима (210-146 гг. до н.э.): Автореф. дис... канд. ист. наук. Л., 1983.

⁵⁸ Климов О.Ю. 1) О роли Пергамского царства в Сирийской войне (192-188 гг. до н.э.) // Античная гражданская община. М., 1986; 2) Сирийская война 192-188 гг. до н.э. в античной исторической традиции // Проблемы истории и историографии. Античность. Средние века. Уфа, 1990.

работает В.И. Кашеев, попутно исследуя и некоторые конкретные вопросы⁵⁹. Г.С. Самохина издала несколько статей, имеющих отношение к рассматриваемой теме⁶⁰. Для понимания общих тенденций развития эллинизма большое значение имеет фундаментальное издание в двух томах под редакцией Е.С. Голубцовой⁶¹.

5. Современный период: с начала 90 гг. 20 века. Характерной чертой современного периода стало усиление новых центров антиковедения (Саратов, Казань, Нижний Новгород), что обогащает нашу науку. Остальные критерии совпадают с приведёнными для периодизации западного антиковедения.

Продолжая исследовать римско-греческие отношения, Г.С. Самохина сконцентрировала своё внимание на изучении творчества Полибия⁶². Для уточнения характера и сути восстания Аристоника много сделал О.Ю. Климов⁶³. Его монография и докторская диссертация⁶⁴ существенно расширяют наши представления о Пергаме. В.И. Кашеев глубоко исследовал историографию римского империализма и взаимоотношений Рима с эллинистическим миром⁶⁵.

⁵⁹ См. например: Кашеев В.И. 1) Первая римско-македонская война в интерпретации английских и американских антиковедов // Античный мир и археология. Саратов, 1986. Вып. 6; 2) Лозунг освобождения греков в межгосударственных отношениях Восточного Средиземноморья (III-II вв. до н.э.) // Античный мир и археология. Саратов, 1990. Вып. 7; 3) Договор Филиппа V и Антиоха III в интерпретации античных и современных авторов // Античный мир и археология. Саратов, 1990. Вып. 8.

⁶⁰ Самохина Г.С. Причины Второй Македонской войны (к историографии вопроса) // Проблемы историографии всеобщей истории. Петрозаводск, 1991; она же. Иллирийские войны (о принципах римской политики на Балканах в конце III в. до н.э.) // Античность и средние века: Полис, империя, этнос. Нижний Новгород, 1991.

⁶¹ Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990; Эллинизм: восток и запад. М., 1992.

⁶² Самохина Г.С. Полибий: эпоха, судьба, труд. СПб., 1995. В 1997 г. она защитила в Москве докторскую диссертацию по той же теме.

⁶³ Климов О.Ю. К оценке восстания Аристоника в Пергаме // Античный мир: Проблемы истории и культуры. СПб., 1998.

⁶⁴ Климов О.Ю. 1) Царство Пергам: очерк социально-политической истории. Мурманск, 1998; 2) Пергамское царство: проблемы истории и государственного устройства. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2001.

⁶⁵ Кашеев В.И. 1) Эллинистический мир и Рим: Война, мир и дипломатия в 220-146 годах до н.э. М., 1993; 2) Из истории межгосударственных отношений в эпоху эллинизма: Два очерка. М., 1997; 3) Эллинистический мир и Рим: война, дипломатия и международное право в 220-146 годах до н.э.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 1997.

После издания монографий Е.А. Молева⁶⁶ и С.Ю. Сапрыкина⁶⁷ историю взаимоотношений Рима с Понтийским царством в целом можно считать изученной более чем основательно. Развитием дальнейшего изучения стали работы К.Л. Гуленкова⁶⁸ и Е.В. Смыкова⁶⁹.

Внешняя политика Антиоха III рассмотрена С.И. Митиной, но ряд её утверждений следует признать недостаточно убедительными. Например, тезис о том, что оппозиция Птолемеям со стороны Антигонидов и Селевкидов вызвана господством Египта «на морских путях всего Восточного Средиземноморья», и мнение, что Македония и Селевкиды не соединились против Рима, т.к. ошибочно оценили его присутствие на востоке «как временное»⁷⁰. Такие взгляды представляются несомненным упрощением. Диссертация А.С. Бузова содержит устаревшие оценки торговых интересов Рима как причины Иллирийских войн. Общий вывод автора - «Серия римско-иллирийских войн нейтрализовала столь актуальную для Македонии иллирийскую опасность»⁷¹ - нам представляется не вполне обоснованным. Автору следовало задуматься, почему тогда появление римлян в Иллирии сделало македонян злейшими врагами Рима.

Несколько полезных работ опубликовала Т.А. Бобровникова, однако в её интереснейшей монографии о Сципионе Африканском⁷² содержится

⁶⁶ Молев Е.А. Властитель Понта. Нижний Новгород, 1995. Здесь же следует упомянуть и другую прекрасную книгу того же автора, хотя она и была издана в предыдущий период. См.: Молев Е.А. Митридат Евпатор. Создание Черноморской державы. Саратов, 1976.

⁶⁷ Сапрыкин С.Ю. 1) Понтийское царство: Автореф. дис... д-ра ист. наук. М., 1992; 2) Понтийское царство. М., 1996.

⁶⁸ Гуленков К.Л. 1) Митридадовы войны в освещении Аппиана // Античность: эпоха и люди. Казань, 2000; 2) Вторая Митридадова война и её последствия // *Studia historica*. М., 2001.

⁶⁹ Смыков Е.В. 1) Парфянский поход Марка Антония // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Саратов, 1987; 2) Рим и Митридат Евпатор: война, политика, идеология: Автореф. дис... канд. ист. наук. Саратов, 1996; 3) Рим и Парфия: первые контакты (К вопросу о договорах Суллы и Лукулла с парфянами) // Международные отношения и дипломатия в античности. Ч. 1. Казань, 2000; 4) Рим и Парфия: путь к договору (Гней Помпей и парфяне) // Античность: общество и идеи. Казань, 2001.

⁷⁰ Митина С.И. Внешняя политика Антиоха III: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1994. С. 9, 15.

⁷¹ Бузов А.С. Вооруженные силы и военная политика Македонии (70-20 гг. III в. до н.э.): Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1996. С.21.

⁷² Бобровникова Т.А. Сципион Африканский. М., 1998.

явная идеализация римской политики. Книга А.В. Постернак интересна анализом греко-римской культуры и рассмотрением уровня романизации провинций. Одну из причин слабой романизации Греции автор справедливо видит в том, что греки плохо поддавались римскому влиянию и относились к римлянам враждебно. Однако другой вывод является явным анахронизмом - творческая деятельность римлян «принесла незначительные плоды»⁷³. Отметим диссертацию В.О. Никишина, исследовавшего практически не изученный в нашей науке вопрос о римском «шовинизме» и подробно оставившегося на проблеме взаимного восприятия греков и римлян⁷⁴.

В целом, несмотря на обилие литературы, многие вопросы разработаны недостаточно или остаются спорными. До сих пор в нашей науке отсутствуют обобщающие работы по всему периоду 229-30 гг. до н.э., от первых шагов Рима на востоке (Иллирийские войны) и до аннексии Египта Октавианом, что знаменовало собой окончание эпохи эллинизма.

Цели и задачи исследования. Исходя из актуальности и дискуссионного характера поставленных нами проблем, целью исследования является проведение комплексного анализа контактов между двумя цивилизациями, начиная с первого официального соприкосновения в 273 г. до н.э. и заканчивая датой, которая традиционно считается окончанием периода эллинизма – 30 г. до н.э. Данная цель предполагает постановку и решение следующих основных задач:

1) показать главные направления историографии по данной теме - от генезиса научного антиковедения до наших дней в динамике становления и развития основных концепций и идей;

2) исследовать причины и цели внеиталийской экспансии Рима; показать связь иллирийских войн с римско-карфагенским противостоянием, вынуждающим римский сенат обеспечивать свои стратегические интересы в других регионах Средиземноморья;

3) выявить специфику римской дипломатии, проследить её совершенствование до уровня «глобальной политики» и проанализировать причины её явной деградации во второй половине II в. до н.э.;

4) проанализировать степень состоятельности теории «торгового империализма»; рассмотреть связь между внутренним состоянием римской державы и её внешней политикой; дать самостоятельное решение проблемы перехода к провинциальному устройству римского государства;

⁷³ Постернак А.В. История Древней Греции и Древнего Рима. В конспективном изложении. М., 1999. С. 154, 94.

⁷⁴ Никишин В.О. Чужеземцы в произведениях Цицерона, Цезаря и Саллюстия (к вопросу о сущности римского «шовинизма» в I в. до н.э.): Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 2000.

5) рассмотреть весь комплекс проблем, связанных с завещанием Аттала III, попытаться установить причины появления его «странного завещания»;

6) выяснить, на кого могли опираться на Востоке римские дипломаты при проведении своей изощрённой политики, каковы были реальные взаимоотношения римских нобилей с эллинистическими аристократами;

7) дать всестороннее рассмотрение концепции филэллинизма, особенностей взаимного восприятия римлян и греков, проследить причины взаимного неприятия, становления синтеза и преемственности их культур;

8) выявить принципы, определяющие отношения Рима с Египтом; опровергнуть устоявшиеся представления об их традиционной дружбе, проанализировать, самостоятельную политику проводил Антоний или зависимую от Клеопатры, «проримскую» или «антиримскую», в связи с этим - охарактеризовать суть взаимоотношений Антония с Клеопатрой.

Хронологические рамки исследования охватывают период от первого официального контакта Рима с эллинистическим Египтом в 273 г. до н.э. вплоть до аннексии царства Птолемеев в 30 г. до н.э. Внутренняя логика исследования вынуждала иногда обращаться к более ранним или более поздним периодам истории Италии и всего Средиземноморья в целом.

Методологическая и теоретическая базы исследования. В основе нашего исследования лежит общенаучный метод структурного системного анализа, предполагающего рассмотрение явления во взаимосвязи и развитии в совокупности всех его составляющих элементов. Изучение единого и неразделимого комплекса политической истории, всех государственных институтов, социальной структуры, разных направлений политики, идеологии, религии, культуры. А также принцип историзма как способ изучения явлений в процессе их возникновения и эволюции, в тесной связи с конкретными историческими условиями, что способствует выявлению качественного и количественного своеобразия явлений, общего и особенного.

При таком методе научного анализа эллинистический мир предстаёт перед нами не хаотическим нагромождением стран и народов, а *единой системой*, подчинённой определённым законам развития. Столкновение Рима с Востоком было столкновением *двух систем*, в чём-то похожих, а в чём-то – диаметрально противоположных друг другу. Исследование конкретных исторических сюжетов осуществляется на основе историко-критического метода, а также с помощью разработанных современным антиковедением методов изучения исторических источников, явлений и процессов.

В отличие от большинства антиковедческих исследований, в работе широко применяется междисциплинарный подход, опирающийся прежде всего на последние достижения психологической науки – социальную психологию, этнопсихологию, гендерную психологию, психологию межлич-

ностных отношений, позволяющих глубже вскрыть дополнительные аспекты нашей темы. Культурологический подход, наряду с недавно появившейся на стыке истории, культурологи, психологии и философии новой наукой алиенологией способен помочь выявить новые грани в проблеме этнического неприятия, не всегда объяснимого лишь социально-экономическими и политическими причинами.

Источниковая база исследования. Особую ценность имеет труд Полибия, современника, очевидца и участника многих описываемых событий. Правда, следует учитывать обстоятельства его биографии и тот факт, что он писал не только для греков, но и для римлян, поэтому ему приходилось соблюдать «политкорректность». Тит Ливий, пожалуй, самый информативный источник для огромного периода римской политики. Очень подробно излагаются сами события, ценно, что автор представляет чисто римский взгляд на них, помогая глубже понять саму римскую ментальность и поведенческие модели отношений с другими народами. Оба историка уделили много внимания внешнеполитической истории. По внутренней политике Рима, без изучения которой невозможно правильно понять принципы его внешнеполитических действий, наиболее полную информацию даёт Тит Ливий. В этом же плане огромное значение имеют труды Цицерона, являющиеся великолепным памятником эпохи и дающие большое количество разнородной интереснейшей информации.

Для постижения внутривполитических процессов огромное значение имеют сочинения Саллюстия. Биографии Цезаря и Октавиана, составленные Гаем Светонием Транквиллом, больше внимания уделяют внутривполитическим событиям, иногда автор приводит даже тексты документов. Сбалансированное изложение внутренних и внешних проблем дают Плутарх и Дион Кассий.

Преимущественно внешней политике посвящены краткие сочинения Евтропия и Луция Аннея Флора. Важен труд галла Помпея Трога в 44 книгах, опиравшегося на утраченные сочинения врагов Рима, представлявших совсем другой взгляд на события, сохранившийся лишь в сокращённом изложении Юстина. Юстин сокращал его произвольно, очевидно, выбрасывая и сглаживая то, что не вписывалось в русло проримского исторического писания. Однако текст иногда сохраняет антиримскую традицию с её резкой оценкой римской политики. Грек из Александрии Аппиан, очевидно, также использовал недошедшую до нас эллинистическую традицию, представляющую альтернативную версию событий, не расположенную к римлянам⁷⁵. Ряд важных для нашей темы сведений излагают Диодор Сицилий-

⁷⁵ Об источниках Помпея Трога и Аппиана см.: Walbank F.W. Sources for the period // САН. 2nd ed. Vol. VII. Part 1. The Hellenistic world. Cambridge, 1984. P. 6-8.

ский, Павсаний, Страбон, Валерий Максим, Авл Геллий, Луций Ампейлий, Зонара, Орозий⁷⁶ и другие.

Эпиграфические источники, несмотря на свою краткость, имеют особую ценность. Как свидетельства документальные, они содержат такую информацию, которая часто оказывалась вне поля зрения античных авторов. Для нашей темы очень полезны оказались сенатусконсульты о правах отдельных греческих городов, свод делосских надписей и эпиграфический материал из Пергама, позволивший уточнить информацию письменных источников и подвергнуть критической проверке некоторые устоявшиеся выводы историографии⁷⁷.

Археологические и нумизматические источники при всей сложности их интерпретации являются той материальной основой, без которой просто невозможно исследовать вопросы экономики и торговли. Они неоспоримо доказывают, что утверждения о гибели родосской торговли после 168 г. до н.э. являются преувеличением. Анализ находок римских денариев на востоке свидетельствует о слабой роли римской монеты в торговом обороте здесь вплоть до конца I в. до н.э., что отнюдь не может быть случайностью. Наконец, в период поздней Республики монеты стали важным средством пропаганды, иллюстрируя лозунги и идеологию ведущих политиков.

В целом источники разнообразны, весьма информативны и позволяют достаточно основательно исследовать весь комплекс сложнейших проблем взаимоотношений Рима с эллинистическим миром.

Научная новизна диссертации состоит в следующем.

1. Сделан вывод о непосредственной связи иллирийских войн Рима с римско-карфагенским противостоянием. Близившаяся война с Карфагеном вынуждала сенат обеспечивать свои стратегические интересы вокруг Италии. Риму пришлось покорять галлов, угрожающих северу полуострова, и совершить морскую экспедицию в Иллирию, сделавшую неизбежной, в свою очередь, римско-македонскую вражду.

2. На основе тщательного анализа источников, особенно – двух взаимоисключающих версий Полибия и Тита Ливия даётся собственная трактовка союза Македонии с Карфагеном, опровергается устоявшееся в историографии мнение о желании Филиппа V воевать в Италии на стороне Ганнибала.

⁷⁶ Тщательный анализ источников и биографий авторов см.: Grant M. Greek and Latin authors, 800 B.C. – A.D. 1000. A biographical dictionary. New York, 1980.

⁷⁷ Frankel M. Die Inschriften von Pergamon. Bd. 1-2. Berlin, 1890-1895; Dittenberger G. Sylloge Inscriptionum Graecarum. 3 Aufl. 4 Vol. Leipzig, 1915-1924; Riccobono S. Fontes iuris romani antejustiniani. Florentiae, 1968.

3. Даётся новая трактовка причин и обстоятельств начала 3 Македонской войны, развязанной по инициативе Рима не потому, что Персей своими опасными действиями вынудил римлян вмешаться, а вызванной желанием сената «окончательно решить» македонскую проблему.

4. Рассмотрен в совокупности весь комплекс проблем, связанных с завещанием пергамского царя Аттала III.

5. Выдвинута собственная концепция причин отказа от политики иностранной клиентелы и перехода к провинциальному устройству римской Республики.

6. Впервые предпринята попытка определить этническую принадлежность жертв «эфесской резни» 88 г. до н.э.; уточнено примерное время этого события.

7. Предложен тезис о ментальной несовместимости римлян и греков как одной из возможных причин их взаимного неприятия.

8. Предлагается в научный оборот новый термин «двойная дипломатия» для обозначения столь изощрённых и продуманных действий сената, когда *любое* ответное действие и даже *полное бездействие* противной стороны при любом исходе шло на пользу одному только Риму.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что они могут широко использоваться для дальнейшего изучения поставленных проблем, а также в учебном процессе в курсах истории древнего мира и международных отношений, при разработке разнообразных общих и специальных курсов, посвящённым вопросам государственности, политической истории, идеологии, межкультурных и межэтнических контактов.

Исследованные методы римской дипломатии, развивающейся в условиях сложнейшего переплетения интересов многих стран и народов - имеют выход на острейшие проблемы современных международных и межэтнических отношений. Особого внимания в этом отношении заслуживают практика безусловного соблюдения «национальных интересов» римским сенатом, его гибкость и осмотрительность, сочетающаяся с решительностью в критические моменты, меры по укреплению внутреннего единства державы, поистине отеческая забота о благе каждого гражданина, неназойливая политика цивилизации и ассимиляции варваров.

Апробация работы. Диссертация обсуждена на совместном заседании кафедр истории древнего мира и средних веков, а также археологии и региональной истории исторического факультета Ставропольского государственного университета. По теме диссертации опубликованы монография, статьи и тезисы докладов и сообщений. Результаты научных исследований используются в учебных курсах «История древнего мира», «Сравнительная история мировых цивилизаций», «Римское частное право» на историческом,

юридическом и экономическом факультетах Ставропольского государственного университета. А также спецкурсе «Быт, обычаи и нравы древних римлян и греков» и спецсеминаре «Основные проблемы повседневности и ментальности в древнем и средневековом обществе».

Основные положения диссертации были представлены автором на следующих международных, всероссийских и региональных конференциях:

1. В Петрозаводске: «Проблемы истории и историографии зарубежных стран»: Межвузовская научная конференция. КГУ. 1990 г.

2. В Актюбинске: «1 Региональная конференция молодых ученых». АПИ, 6-7 апреля 1990 г.; «2 Региональная научная конференция молодых ученых». АПИ, 10-11 апреля 1991 г.; «Батыс Казакстан жас галымдаранын 4-гылыми конференциясы». АПИ, 3-4 апреля 1993 г.

3. В Ставрополе: «Циклы природы и общества»: 3 Международная конференция. СУ, 1995; 2 конференция профессорско-преподавательского состава Ставропольского университета. СУ, 1996; «Циклы природы и общества». 4 международная конференция. СУ, 1996; «Проблемы повседневности в истории: образ жизни, сознание и методология изучения». СГУ, 2001; «Актуальные проблемы исторической науки». 44 научно-методическая конференция «Университетская наука – региону». СГУ, 2001.

4. В Пятигорске: «Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру»: 1 Международный конгресс. ПГЛУ, 1996 г.

5. В Новочеркасске: Всероссийская научно-техническая конференция памяти А.Ф. Лосева «Цивилизация и человек: проблемы развития». Южно-Российский государственный технический университет, 5-7 мая 1999 г.

6. В Саратове: «Античный мир и варварская периферия»: Всероссийская конференция РАА и СГУ, 22-24 ноября 2000 г.

7. В Москве: «Антиковедение на рубеже тысячелетий: междисциплинарные исследования и новые методики»: Международная конференция ИВИ РАН и РАА, 29-30 июня 2000 г.; «XII Сергеевские чтения»: Всероссийская научная конференция. МГУ, 29-31 января 2001 г.; «Письменный источник и современное антиковедение»: Всероссийская научная конференция. РАА, 27-28 июня 2001 г.; «Античная религия и христианство»: Всероссийская научная конференция. РАА, 23-24 июня 2003 г.

8. В Нижнем Новгороде: «VII чтения памяти профессора Н.П. Соколова». НГУ, 2000 г.

9. В Тюмени: «Историческая наука на пороге третьего тысячелетия». Всероссийская конференция. ТГУ. 27-28 апреля 2000 г.

10. В Краснодаре: «Собственность в истории и праве»: Межвузовская конференция Кубанского социально-экономического института. Октябрь

2000 г.; «Гуманитарное образование в современном вузе: традиции и новации»: Региональная научно-практическая конференция. КГУ, 25 октября 2002 г.

11. В Санкт-Петербурге: «Античное общество-4. Власть и общество в античности»: Международная научная конференция. СПбГУ, 5-7 марта 2001 г.; «Жебелевские чтения – III»: Всероссийская научная конференция. СПбГУ, 29-31 октября 2001 г.; «Жебелевские чтения-IV»: Международная конференция. СПбГУ, 30 октября - 1 ноября 2002 г.; «Исторические персоналии: мотивировка и мотивации поступков»: Всероссийская научная конференция. МАИП, 16-17 декабря 2002 г.

12. В Ростове-на-Дону: «Теоретические проблемы исторической науки». IV Сказкинские чтения: Международная научная конференция. РГУ, 20-21 мая 1999 г.; X Международная научная конференция «Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века». РГПУ, 29 мая - 3 июня 2001 г.; Международные отношения в бассейне Чёрного моря в древности и средние века: XI международная научная конференция. РГПУ, 31 мая-5 июня 2003 г.

13. В Казани: «Античность в современном измерении»: Всероссийская научная конференция, посвященная 35-летию научного кружка «Античный понедельник». КГУ, 14-16 ноября 2001 г.

14. В Армавире: Международная научная конференция «Проблемы повседневности в истории: образ жизни, сознание и методология изучения». АГПИ, 14 ноября 2002 г.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Структура диссертации определяется степенью изученности темы, логикой исследования и поставленных проблем. Она состоит из введения, шести глав, заключения, списка сокращений и библиографии темы.

Во введении отмечена актуальность темы исследования, характеризуются его объект и предмет, определяются цели и задачи, хронологические рамки, методологическая, теоретическая и источниковая базы исследования, отмечаются научная новизна, практическая значимость и апробация работы.

Первая глава «Военная фаза: первые этапы завоевания Римом восточного Средиземноморья» основное внимание уделяет первым, самым важным для всего последующего развития событий шагам римской дипломатии на Востоке.

В первом параграфе «Иллирийские войны 229-33 гг.» рассматриваются предыстория и последствия иллирийских войн. После 1 Пунической войны

римские политики не помешали Карфагену завоевать Испанию, это объясняется тем, что в это время они до конца ещё не понимали, что события далеко от Италии могут напрямую сказаться на её судьбе. Другая причина: наличие галльской угрозы на севере Италии, в таких условиях обострять отношения с Карфагеном становилось опасным – он быстро усиливался. Уже в это время для римлян стало очевидным: новая война с Карфагеном неизбежна, и её начало – лишь вопрос времени (Polyb.II.36).

В преддверии большой войны стороны решали свои стратегические задачи: Карфаген – в Испании, а Рим – умирив галлов и пытаясь обезопасить моря вокруг Италии. Это и стало главной причиной I Иллирийской войны, связь которой с римско-карфагенским противостоянием представляется очевидной.

Все источники причину войны усматривают в пиратстве иллирийцев, что объединяет две различающиеся между собой версии о её начале (Полибия - Ливия и Аппиана). Это же мнение почти господствует в историографии⁷⁸. В диссертации обосновывается вывод, что пиратство было лишь поводом, а истинные причины войны – желание римского правительства максимально обезопасить тыл с востока. Одна из целей I Иллирийской войны – «закрыть Адриатику для карфагенского плаванья»⁷⁹ и поставить море под свой контроль.

Однако Иллирийские войны привели к появлению нового врага Рима – Македонского царства. Устоявшееся мнение, что Македония не имела интересов в Иллирии и даже выиграла от появления римлян на Балканах, поскольку они пресекли набеги иллирийцев на полуострове - фактически неверно, набеги продолжались, возможно – иногда инициировались самим Римом. Теоретически же это мнение ошибочно, т.к. совершенно не учитывает стратегические интересы Антигонидов. Дело даже не в самой Иллирии, а в ситуации на Балканах.

Речь не о каких-то конкретных интересах Македонии в Иллирии, а об её стратегической заинтересованности в Иллирии, что далеко не

⁷⁸ См.: Павловская А.И. Греция и Македония в эпоху эллинизма // История Европы. Т. 1. М., 1988. С. 425; Буров А.С. Вооруженные силы и военная политика Македонии (70-20-гг. III в. до н.э.): Автореф. дис ... канд. ист. наук. М., 1996. С.21; 189; Ormerod H.A. Piracy in the Ancient World. Liverpool, 1924. P. 169; Frank T. The Roman imperialism. New York, 1929. P. 116; Engers M. Die Worgeschichte der makedonischen Kriege Roms // Mnemosyne. 1938. Vol. 6. S. 122; Toynbee A.J. Hannibal's Legacy. Vol. 2. London, 1965. P.364; Walbank F.W. The Hellenistic World. New Jersey, 1981. P. 230; Grant M. The Ancient Mediterranean. New York, 1988. P. 262.

⁷⁹ Grant M. History of Rome. London, 1978. P. 113-114.

совсем одно и то же. Очевидно, римляне и сами понимали, что вторглись в сферу интересов царства и добрые отношения между ними исключены. Посольства Рима к врагам Антигонидов показывают, что он явно желал заручиться их дружбой, вероятно, предвидя возможные будущие осложнения с Македонией. В саму Македонию послы не явились. Такое явное неуважение к самому сильному государству полуострова объясняется тем, что посольство не имело смысла. Даже независимо от желания Рима, он сразу стал центром притяжения для всех антимакедонских сил на Балканах, хотя открыто это проявилось позже.

Второй параграф «Филипп V и Рим. Проблемы начального этапа римского наступления на Балканах». Вышесказанное объясняет крайне враждебную Риму позицию Филиппа V в начале 2 Пунической войны, его военные действия против римского протектората в Иллирии и его союз с Ганнибалом. Безусловно, он хотел вытеснить римлян с Балканского полуострова. Однако приписываемое ему тенденциозными анналистами и некритично следующими за ними исследователями желание высадиться в Италии и сражаться на стороне Ганнибала не отражает истинного положения дел. Приведённый Полибием подлинный текст договора Филиппа с пунийцем (VII.9) не содержит никаких намёков на подобное обязательство царя и опровергает утверждения, что тот «мечтал»⁸⁰ воевать на Апеннингах. Устоявшееся мнение, что высадке македонян в Италию помешала только вовремя устроенная против них Римом Этолийская война - не имеет убедительных оснований. Между захватом Филиппом Лисса на адриатическом побережье (213 г. до н.э.) и началом военных действий этолийцев (211 г. до н.э.)⁸¹ лежит два года. Ещё никто не смог убедительно объяснить, почему за столь долгий промежуток времени царь не реализовал свою заветную мечту.

Единственно возможное объяснение, вероятно, следует искать не в обстоятельствах, якобы помешавших царю, а в его целях и в принципах эллинистической политики, которыми он руководствовался. В соответствии с этими принципами – следовало воспользоваться временными затруднениями соседа для достижения собственных локальных целей, в то же время не оказывая реальной помощи врагу соседа, чтобы он слишком не усилился.

Потерпев неудачу на западе, Филипп V обратился на восток, пытаясь создать балканско-эгейскую державу. Очевидно, он резко переориентиро-

⁸⁰ Gruen E.S. The Hellenistic World and the Coming of Rome. Vol. 2. Berkeley; Los Angeles, 1984. P. 375.

⁸¹ Или даже в 210 г. до н.э., как это убедительно обосновывает Р. Эррингтон, см.: Errington R.M. Opus cit. P. 114.

вал свою политику и впредь желал избегать конфликтов с Римом. Однако слабые государства региона обратились в Рим с просьбой о помощи. Поражение Македонии в 197 г. до н.э. ослабило её и поставило в зависимость от Рима. Добиться большей зависимости царства помешала Сирийская война, вынудившая римлян вести на Балканах осторожную политику. Причиной войны стало столкновение агрессивных интересов Рима и Антиоха III, пытавшегося поставить под свой контроль Фракию, что угрожало бы римским позициям на Балканах.

В третьем параграфе «*Завершение подчинения Македонии*» делается вывод: оберегая уже приобретённые позиции, сенат вынужден был всё глубже ввязываться в восточную политику. Тщательно продуманные условия Апамейского мира навсегда сняли «сирийскую угрозу» римским интересам. После этого римская дипломатия усилила давление на Македонию, пытаясь превратить её в абсолютно зависимое государство. Добиться этого мирным путём не удалось, что и стало главной причиной 3 Македонской войны.

Проблема 3 Македонской войны тесно связана с оценкой личности и деятельности Персея. Образ царя, созданный римскими историками, мало соответствует реальности. Его внутренняя политика была разумной, однако во внешней он всеми силами пытался избежать войны с Римом, которой, очевидно, боялся и не хотел. Поэтому внушив ему «ложную надежду на мир» (Liv. XLII.47.1), римляне смогли беспрепятственно занять стратегически важные пункты в Греции. Заканчивается глава выводами, что на первом этапе Рим не стремился к территориальным захватам, его цели сводились сначала к гегемонии, затем – к доминированию; даётся авторская периодизация всех этапов восточной политики сената.

Вторая глава «**Мирное подчинение: методы и суть римской дипломатии**» содержит в себе ~~три~~ ^{четыре} параграфа.

Первый из них – «*Становление методов «двойной дипломатии»*». Впечатляющие успехи римской внешней политики во многом объясняются искусной дипломатией сената. Римляне умело моделировали то, что лучше всего определить как «**двойная дипломатия**», т.е. это действия, когда противника ставили в такую ситуацию, что любое его действие или даже бездействие укрепляло позиции только Рима. В этом плане и рассмотрены некоторые конкретные действия римской дипломатии.

Посольства, разосланные сенатом по Греции после окончания 1 Иллирийской войны должны были замаскировать истинные цели появления римлян на Балканах и завоевать симпатии греков. Следующая блестящая

акция сената – это римско-этолийский союз во время 1 Македонской войны. Договор с Этолией – крупная победа Рима, позволившая ему почти устранить из войны с Филиппом. В умении использовать чужую кровь, даже не дорогих наёмников, а бесплатных союзников, Рим не знал равных. В этом одна из причин быстрого роста его могущества. Главная цель сената, завязавшего в тяжёлой войне с Ганнибалом: не позволить царю развить свой успех в Иллирии – была успешно достигнута за счёт усилий и потерь Этолии.

Римская дипломатия успешно ввела в заблуждение этолийцев и во время 2 Македонской войны: им не сообщили, что договор 211 г. до н.э., дающий им право на захваченные территории, больше не существует. Проинформировали их об этом только после победы, когда много сделавшие для неё этолийцы заявили претензию на некоторые области Греции. «Освобождение» Греции в 196 г. до н.э., дало сенату основания претендовать на роль покровителя греческих подданных Антиоха III, используя этот аргумент в дипломатической полемике с ним. Кроме того, оно помогло обеспечить прочный тыл на Балканах во время Сирийской войны.

Особый интерес представляют интриги, проводимые сенатом с целью вызвать внутрдинастические распри в государстве врагов или даже «друзей», если это было выгодно Риму. Наследник македонского трона Персей не устраивал римлян, и они тщательно готовили почву для перехода царства к его младшему брату Деметрию, ранее бывшему заложником в Италии и хорошо относившегося к Риму (Polyb. XXXII.3.8; App. Mac. IX.6). Позже сенат пытался вызвать раздоры между Атталидами и разделить чрезмерно усилившийся Пергам.

Второй параграф - *Завещание Аттала III и аннексия Пергама*. Страбон (XIII.4.2) передает содержание завещания самыми общими словами. Вкратце упоминают о нем Плиний Старший (NH. XXXIII. 148), Тит Ливий (Per. 58, 59), Плутарх, Юстин, Веллей Патеркул. Плутарх (Tib. Gracch.. 14.1) и Юстин (XXXVI. 4.5) говорят практически одинаковыми словами - «в завещании назначил своим наследником римский народ». Более конкретен Веллей Патеркул (II.IV.1) – *mortuo rege Attalo, a quo Asia populo Romano hereditate relicta erat*. Веллей Патеркул явно имеет в виду передачу Риму всего царства. Запутывает ситуацию сообщение Флора - римский народ является наследником всего царского имущества (*testamentum reliquit: populus romanus bonorum meorum heres esto* - XXXV. II. 20. 2). Сообщению Флора близка версия Сенеки (Controv. II). Луций Ампелий пишет: «Аттал, часто сражавшийся за римлян. По завещанию он сделал римский народ своим наследником» (33. 4). Это практически вся информация, за исключе-

нием декрета народного собрания Пергама (OGIS. 338 = IGRR. IV.289) и Senatus consultum июля 133 до н.э.⁸² о принятии наследства. Поэтому возник своеобразный «историографический тупик»: многие исследователи пришли к выводу, что проблема завещания Атталы III неразрешима⁸³.

На основе комплексного анализа всех сохранившихся источников и трёх аспектов проблемы (терминологического, юридического, дипломатического) в работе делается ряд принципиально важных выводов. 1. Завещание – реальный факт, а не документ, сфальсифицированный римлянами. 2. Завещалось Риму всё царство, фраза из пергамского декрета – «оставил отечество наше свободным» (OGIS. 338. Стк. 5: ἀπολέλοιπεν τῇ[μ πατρί]δα ἡμῶν ἐλευθέραν) означала всего лишь самоуправление города Пергама. 3. Причинами появления «странного завещания», вероятно, стали: давление со стороны римского правительства; понимание Атталом III неизбежности поглощения царства и желание избежать излишних жертв; возможно – психическое заболевание царя после перенесённого шока, вызванного убийством его матери и невесты⁸⁴, когда он, по словам Юстина, оставил «дела правления» и вёл себя как мизантроп (XXXVI.4.2-3), чем и могли воспользоваться римские политики.

Завещание Атталы было одним из пяти царских завещаний в пользу Рима. Едва ли здесь речь идёт о случайностях, скорее – о закономерностях, нельзя исключить, что завещания зависимых царей – одно из средств римской дипломатии, направленных на территориальное расширение державы.

Третий параграф: *Римская дипломатия против Селевкидов* содержит анализ римско-селевкидских отношений от первых контактов до аннексии Сирии в 64 г. до н.э. Причиной Сирийской войны стало столкновение интересов Рима и Антиоха III во Фракии: желание царя утвердиться в Европе, претензии сената на покровительство всем грекам и стремление обеспечить свои стратегические интересы. Переговоры с Антиохом вылились в стадию

⁸² Датировка не вызывает сомнений. См.: Vogt J. Pergamon und Aristonikos // Atti del terzo congresso internazionale d'epigraphia greca e latina. Roma, 1959. S. 45; Hopp J. Untersuchungen zur Geschichte der letzten Attaliden. Munchen, 1977. S.133. Текст завещания прибыл в Рим в начале лета 133 г. до н.э. – См.: Toynbee A. Hannibal's legacy. Vol. 2. London, 1965. P. 54. Note 3.

⁸³ См.: Jones A.H.M. The cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, 1937. P. 57; Rawson E. The Expansion of Rome // The Oxford History of the Classical World / Ed. by J.Boardman. Oxford, 1986. P. 419; Климов О.Ю. Царство Пергам: очерк социально-политической истории. С. 47.

⁸⁴ Ср.: Gruen E.S. The Hellenistic World and the Coming of Rome. Vol. II. P. 592-593.

«холодной войны»⁸⁵, в ходе которой Риму удалось представить царя сто-роной, угрожающей свободе греков. Это обеспечило римлянам поддерж-ку эллинов не только Балкан, но и Эгеиды и Малой Азии (см.: Liv. XXXIV.59). Апамейский мир 188 г. до н.э. низвёл Селевкидское царство до положения второстепенного государства и знаменовали собой установление римской гегемонии во всем Средиземноморье. Для Селевкидов поражение имело катастрофические последствия. Сразу после Магнезии правители Великой Армении и Софены объявили себя независимыми (Strabo.XI.14.5). Потеряв Малую Азию, царство лишилось наиболее эллинизированных областей, что предопределило его неспособность противостоять натиску с Востока.

Так именно фракийский конфликт с Римом стал отправной точкой падения Селевкидской державы. Вся последующая политика сената была направлена последовательное ослабление некогда могучего царства. Рим-ляне запретили Антиоху IV оккупировать разгромленный им Египет (Polyb. XXIX.27.7). После смерти Антиоха IV в 163 г. до н.э., воспользовавшись малолетством наследника, сенат отправил в Селевкидское царство специ-альную миссию, имеющую приказ «всеми способами расстраивать силы государства» (Polyb. XXXI.12.11).

Примером антиселевкидских действий сената может служить и римско-иудейский договор 161 г. до н.э. (см.: Ios. Flav. Bell.Iud.1.4). В обмен на обяза-тельство иудеев не помогать своему сюзерену во время войны, римляне обе-щали не помогать Селевкидам против их врагов (чего они и так в любом случае не стали бы делать). Не принимая на себя никаких обязательств, Рим исключал евреев из числа своих возможных врагов и ничего не давал им взамен.

Чрезмерно ослабив Селевкидское царство, Рим сделал его нежизнеспособ-ным. Очевидно, это и стало главной причиной аннексии Сирии в 64 г. до н.э.⁸⁶. Даже не столько экспансионистские тенденции в сенате, сколько опасения нестабильности на восточных границах Республики, поскольку последние Селевкиды не контролировали страну, не могли обеспечить здесь порядок и были не в состоянии играть роль заслона против натиска с востока.

Четвёртый параграф: *Причины деградации римской дипломатии во второй половине II в. до н.э.* Римская внешняя политика многое впитала в

⁸⁵ Badian E. Rome and Antiochus the Great: A study in Cold War // Badian E. Studies in Greek and Roman history. Oxford, 1964. P. 112.

⁸⁶ Состояние проблемы и обзор историографии см.: Bouche-Lecklerg A. Histoire des Seleucides. Paris, 1913. P. 10-65; Bellinger A.R. The end of Seleucids. New Haven, 1949. P. 5-70; Pinto E. Aspetti e problemi della monarchia Seleucidica. Napoli, 1965. P. 3-60; Habicht C. The Seleucids and their rivals // CAH. 2-nd ed. Vol. VIII. Cambridge, 1989. P. 324-387.

себя из эллинистической, но Рим превзошёл своих учителей. Однако вторая половина II в. отмечена явной деградацией римской дипломатии. С устранением главных противников отпала необходимость вести тонкую и сложную политическую игру, учитывать многообразные интересы многих союзников. Политика стала грубее и примитивнее, теперь она чаще опиралась лишь на грубую силу и банальное давление. До какой-то степени на это повлиял приток в неё «новых людей» из усиливающейся «партии аннексии». Но главной причиной стало другое: переход к более простым задачам – не создание сети зависимых государств, а их поглощение и превращение в провинции. Упрощение цели привело и к упрощению политики. Немалое значение имела теперь и военная мощь Рима, но он никогда не достиг бы её, не проводя на первых этапах тонкой политики, которая и сделала его сильным. Не только грубая сила, но и неспешность, последовательность, гибкость, умение использовать обстоятельства в конечном счёте и сделали римлян «повелителями мира».

Однако деградация римской дипломатии стала одной из причин её провалов в начале I Митридатовой войны и первых контактов с Парфией, завершившихся катастрофическим разгромом войск Красса в битве при Каррах и временным ослаблением римских позиций на востоке вообще.

Вместе с тем, в моральной оценке римской агрессии и в сравнениях её с агрессивностью других стран необходимо соблюдать взвешенность. Агрессивность и стремление получить односторонние выгоды за счёт соседей, аморальность политики тогда были нормой поведения. Хотя бы в одном римская дипломатия была более нравственной, нежели эллинистическая – Рим никогда не начинал военных действий без предварительного объявления войны. *Denuntiatio belli* – обязательный элемент римской дипломатии⁸⁷. Между тем такая практика была не свойственна эллинистическим монархиям: Филипп V без официального объявления войны вторгся в римский протекторат в Иллирии; Антиох III, высадившись с войсками в Греции – не объявил сенату войну. Господствующая в старой историографии идеализация римской политики с середины 20 века сменилась ярко выраженной антиимпериалистической (а по сути – антиримской) позицией. Следует учитывать, что завоёванные Римом страны отнюдь не всегда были безвинными жертвами его империалистических устремлений. Просто Рим оказался успешнее в достижении своих внешнеполитических целей. Однако он проявлял ничуть не больше аморальности и «макиавеллизма», чем многие его противники.

⁸⁷ См.: Walbank F.W. Roman declaration of War in the third and second centuries // CPh. 1949. Vol. XLIV. № 1. P. 15-19.

Третья глава «Проблема соотношения внутренних и внешних факторов римской политики» посвящена рассмотрению нескольких вопросов. Первый параграф: Проблема «торгового империализма». Теория «торгового империализма», зародившаяся в 19 веке в условиях острой конкурентной борьбы национальной буржуазии Европы за рынки сбыта и источники сырья – не может быть применима к экономическим и социальным условиям древнего Рима. Устоявшееся мнение, что ослабление Родоса и уничтожение Коринфа – дело рук римских купцов, не соответствует действительности. Факты, приводимые в тексте главы, показывают, что соображения торговой конкуренции не оказывали никакого влияния на внешнюю политику Рима.

Античность не знала политики, основанной на борьбе за рынки сбыта⁸⁸. Дискуссия о роли экономических мотивов в римском империализме представляется бесперспективной. Одни отрицают эти мотивы⁸⁹ или считают их побочными⁹⁰, другие доводят до абсолюта. Оба мнения являются крайностями. Величайшей иллюзией является мнение, что войны всегда ведутся ради иллюзий⁹¹. В любой политической акции присутствовал экономический компонент⁹². Война всегда имеет основанием экономические побуждения, пусть не всегда ярко выраженные. Победа давала немедленный экономический эффект. Нельзя экономические мотивы сводить только к торговле и торговым интересам.

Для Рима, слабо развитого в экономическом отношении, контрибуции, провинциальная десятина и военная добыча стали главными источниками пополнения казны, составляя почти 2/3 государственного бюджета. При недостаточно развитой товарности производства война была важным элементом экономики Рима, как и большинства архаических обществ, но нобили мыслили больше о грабеже и захватах, чем о производстве⁹³.

⁸⁸ Frederiksen M.W. Theory, evidence and the ancient economy // JRS. 1973. Vol. XLV. P. 164.

⁸⁹ Hasebroek J. Trade and politics in Ancient Greece. London, 1933. P. 135; Altheim F. Niedergang der Alten Welt. Frankfurt am Main, 1952. S. 29; Scullard H.H. A history of the Roman world from 753 to 146 B.C. London, 1961. P. 312; Badian B. Roman imperialism in the late republic. 2nd ed. Ithaca; New York, 1981. P. 20 – «экономические мотивы римской внешней политики – это миф»; Gruen E.S. The Hellenistic World and the Coming of Rome. Vol. 1. P. 297, 309, 315.

⁹⁰ Homo L. Primitive Italy. London, 1926. P. 262; Harris W. Opus cit. P. 54; North J.A. The Development of Roman imperialism // JRS. 1981. Vol. LXXI. P. 3.

⁹¹ Andreski S. Military organization and Society. Berkeley; Los Angeles, 1968. P. 11.

⁹² Garlan I. Opus cit. P. 181.

⁹³ Смирин В.М. Римская республика в III-II вв. до н.э. // История Европы. Т. 1. М., 1988. С. 446, 453.

Второй параграф «Начальный этап провинциального устройства» посвящён анализу причин перелома середины II в. до н.э. и перехода к провинциальному устройству римской державы. Проблема отказа от политики иностранной клиентелы и перехода к провинциальному устройству римской державы традиционно решается с учётом только каких-то одних узких факторов: политических, социальных, экономических. Представляется, что только полный комплексный подход, сочетающий в себе все вышеперечисленные аспекты и дополнительные обстоятельства (особенности психологии римской аристократии, усиление роли всаднического сословия, борьба народа за получение своей доли выгод от завоёванных земель) – позволяет дать более объёмное видение проблемы.

Старый аристократический метод (внешняя клиентела) не соответствовал новым условиям и не давал ходу энергичным новым людям, рвущимся к власти и стоящим за более современные методы. Преимущества провинций перед внешней клиентелой убедительно доказал Катон в Испании: государство стало получать доход от рудников, на них же наживались публиканы. Государственные рудники Испании только с 178 по 157 гг. принесли казне около 50 млн. денариев⁹⁴. Появилась возможность приобретать земли в Испании, выводить колонии, началась романизация. Выгоды получали многие, а не только элита. Десятина с провинций только с 200 по 157 гг. до н.э. составила 130 млн. денариев⁹⁵. Экономическая выгодность провинций становилась очевидной для всех. Это могло стать решающим фактором. Плебс требовал установления хотя бы относительного экономического равенства⁹⁶. На пути к желанным выгодам стояли немногие нобили, они были сильны, но против них – почти весь народ.

Проблема управления покорёнными народами сочеталась с проблемой необходимости снижения напряжённости между бедными и богатыми квиритами.⁹⁷ Не менее четверти граждан выигрывало от войн и расширения державы: воины получали часть добычи и землю, квириты были освобождены от налогов, получали хлебные раздачи, участвовали в откупах⁹⁸. По мнению Полибия, в Риме было так много публиканов и их компаньонов, что казалось – в откупках участвуют все (см.: Polyb. VI.17).

⁹⁴ Frank T. Rome and Italy of the republic // ESAR / Ed. T.Frank. Vol. 1. Baltimore, J.Hopkins, 1933. P. 139.

⁹⁵ См.: Opus cit. P. 141.

⁹⁶ Штаерман Е.М. Эволюция идеи свободы в древнем Риме // ВДИ. 1972. № 2. С. 47.

⁹⁷ См.: Wender H. The rise and fall of the Ancient world. New York, 1976. P. 187.

⁹⁸ Hopkins K. Conquerers and slaves. Cambridge, 1978. P. 183.

Надо было создать единую государственную, экономическую, военную систему, *привязать* покорённых к Риму. Система государств-клиентов не отвечала интересам формирующейся державы. Оставался один путь – включение.

Третий параграф Римская провинция Азия и начало I Митридатовой войны. Однако провинции долго оставались лишь полем для ограбления, а не создания стабильной экономической системы. Этим объясняется неприязнь к римлянам на востоке, ярко проявившаяся в ходе Митридатовых войн. По этой причине во многих городах востока столь охотно выполнили приказ Митридата об уничтожении римлян и италиков.

В параграфе подробно разбираются причины «Эфесской резни» 88 г. до н.э. Основное внимание уделено вопросу об этнической принадлежности жертв погрома. Наши источники не акцентируют на этом внимание, сообщая лишь, что убитые – римляне и италийцы. Объяснение следует искать в специфике чисто римского восприятия. Для римлянина государство всегда стояло выше личности. Поэтому в республиканском Риме государственная, или гражданская, принадлежность человека была намного важнее его «национального происхождения». Т.о., уничтоженные Митридатом «римляне» и «италики» - это обозначение не этнической, а всего лишь государственной (римляне) и географической (италийцы) принадлежности. Опираясь на информацию Афиней (Poseid., fr. 36J ap. Athen. V.213b), в параграфе делается вывод, что римляне представляли собой только незначительную часть погибших. Основную массу жертв, очевидно, составили рабы и вольноотпущенники убитых, италийцы, затем эллины и азиаты, получившие римское гражданство. Сама резня была не столько геноцидом или «этнической чисткой», сколько «чистой политической» - Митридат хотел уничтожить не только римлян, но и их опору на Востоке в лице проримских элементов. Суммируя, можно констатировать, что столь частный и, казалось бы, мелкий вопрос, как выяснение этнической принадлежности жертв 88 г. до н.э., имеет не только познавательное значение. Он опровергает мнение о «римском засилье» в экономике Малой Азии. Экономическую выгоду от римского господства получали не только квириды, но и италийцы, которых рассматривали как их партнеров в проведении «империалистической» политики и в эксплуатации Востока⁹⁹, а также «новые граждане».

Все они воспринимались местным населением с одинаковой ненавистью, вызванной общей политикой сената, направленной на ограбление присоединённых территорий и нежеланием считать их органической составной частью экономики державы.

⁹⁹ Beard M., Crawford M. Rome in the late Republic. London, 1985. P. 80.

Четвёртая глава «Социально-классовые аспекты политики Рима на Востоке» посвящена рассмотрению тех сил, на которые мог опираться на востоке Рим в проведении своей экспансионистской политики.

Первый параграф Действия Рима против аристократических правительств Родоса и Ахейского союза. Рим с первых своих шагов на Востоке опирался не на социальные, а политические структуры – не на слои или классы, а на государства. Конечно, ему приходилось иметь дело с правящей верхушкой, но он много делал и для обработки общественного мнения населения соседних стран, чтобы расположить его в свою пользу. Сенату, однако, было всё равно, каких государств: демократических, олигархических, монархий. Определяющим был политический момент, а любой союзник являлся ценностью сам по себе. То же по отношению к любой личности, главное – не социальное происхождение, а политическая позиция человека, проще говоря – он за Рим или против? Это хорошо видно на конкретных примерах и фактах (разграбление Эпира, ослабление и унижение Родоса...).

После окончания 3 Македонской войны Ликиск, римский ставленник в Этолии, с помощью претора Бебия вырезал 550 аристократов, руководителей Этолийского союза, считавшихся врагами Рима (Liv.XLV.28). Разгром Персея был использован сенатом для «чистки» в Греции. Были казнены многие сторонники царя и наказаны города, помогавшие ему (Liv.XLIV.31). *Senatus consultum De Thisbensibus* повелевал, чтобы в Фисбах 10 лет все магистратуры занимали только друзья Рима¹⁰⁰. Фисбы – один из трёх беотийских городов, оставшихся верными Персею, естественно, сенат не доверял его жителям и желал передать всю власть в городе проримской группировке. Очевидно, такой же практики римляне придерживались и по отношению к другим полисам.

На Родосе сторонников Персея было много (Polyb.XXX.7.9; Liv.XLII.26; Vell.Pat.I.9.2). Многие в Риме требовали наказать богатый остров, желая его разграбления (Aul. Gel.VII.3). Меры, приведшие к упадку Родоса, были трезво и расчётливо продуманы¹⁰¹. Эти меры, как и желание ослабить Пергам – звенья одной цепи: сильные союзники стали не нужны, поэтому их стали целенаправленно подавлять. Попытка Родоса вести самостоятельную политику – это не причина, а повод, чтобы ослабить ставшего ненужным союзника. В этом невозможно видеть давление «торговой партии». Ахейский союз не скомпрометировал себя в войне, но репрессий не избежал и он. Союз стал слишком силен и мог претендовать

¹⁰⁰ См.: Sherk R.K. Roman Documents from the Greek East. Baltimore, 1969. P. 27. № 1. 20 sqq.

¹⁰¹ Roussel P. Delos colonie athenienne. Paris, 1916. P. 8.

на ведущую роль в Греции, но сама величина федерации стала бедой, поскольку сенат искусно поддерживал раздоры её многочисленных членов. Наконец, депортация в Италию 1000 предводителей союза – это стремление лишить страну руководящей силы и ослабить её политически. Ахайя была обезглавлена, лишившись почти всей своей аристократии.

Второй параграф *Разграбление Эпира (167 г. до н.э.)*. В плане взаимоотношения римлян с «вражеской» аристократией и социальной опоры Рима на востоке очень важен разгром Эпира. Эпирские события 167 г., на наш взгляд, отчетливо показывают и перерождение римской идеологии, когда воины внутренне отделяют себя от государства и уже считают себя прежде всего солдатами, со своими специфическими интересами, а только потом – гражданами. Разграбление Эпира, видимо, лишь один из первых симптомов профессионализации римской армии, начало этого процесса.

Погром Эпира, очевидно, был предпринят по требованию армии, поскольку по политическим соображениям от разграбления Македонии римское правительство решило воздержаться. Со стороны сената это можно считать уступкой воинам, потрудившимся для государства, хотя ранее квиниту не приходило в голову что-то требовать от отечества за служение ему.

Масштабность погрома впечатляет: 150000 человек было продано в рабство, уничтожено 70 городов (Strabo. VII. 322 = Polyb. XXXI.16; Liv. XLV. 34. 1-9; Plut. Aem. Paul. 29). Устоявшееся мнение, что погибли «деревни» - не соответствует действительности. Источники обозначают их как *civitates*, или *πολεῖς*. Ни один из грекоязычных источников не называет их *κῶμαι* (деревни). Ни один латинский автор не употребляет слово *vicus*, только - *civitates*. Нет оснований преуменьшать масштабы трагедии, постигшей Эпир – разрушены были именно *города*, а не какие-то мелкие селения. Археологический материал, приведённый Н. Хэммондом, подтверждает это¹⁰².

Не приходится сомневаться, что среди проданных в рабство были аристократы и рабовладельцы, теперь сами ставшие рабами. Сторонники «классовой политики» Рима напрасно игнорируют этот факт.

Третий параграф *Рим, Македония и Ахейский союз в 60-40 гг. II в.* Раздробив Македонию на четыре «республики», сенат не оказывал ей помощи в обороне от набегов варваров. Македоняне долго не могли смириться с гибелью своей государственности и многие готовы были выступить против Рима. Такую возможность им предоставило восстание Андриска. Целью и главным достижением восстания было воссоздание единого македонского государства. Вероятно, именно этим и объясняется

¹⁰² См.: Hammond N.G.L. *Epirus*. Oxford, 1967. P. 84, 659-661.

популярность Андриска, о которой сообщают Полибий (XXXVII.13) и Диодор (XXXII.9). После разгрома восстания Македония в 148 г. до н.э. стала римской провинцией. Обращение страны в провинцию имело огромное значение, и - оно стало решающим шагом на пути к провинциальной системе. Над Грецией был установлен непосредственный контроль, все преимущества более надёжной провинциальной системы ярко выявились в ходе последовавшей затем Ахейской войны 146 г. до н.э.

Главная сложность заключается в проблеме оценки *характера Ахейской войны*. Павсаний сообщает, что после 146 г. до н.э. римляне устранили в греческих городах демократию и установили форму правления на основе имущественного ценза (Paus. VII.16), но здесь речь идет только о тех городах, которые участвовали в войне против Рима. Это объясняется не принципиальной антидемократичностью сената, а соображениями целесообразности. Теперь, когда вся Греция однозначно перешла в руки римлян, фактически стала их провинцией, они уже не были заинтересованы в смутах и усобицах на ее территории, напротив, стремились к стабильности обстановки. Вполне логично, что сейчас они делали ставку на имущих, которым было что терять, которые поняли, что вооруженная борьба с могучим Римом бесперспективна, и потому искренне желали того же самого - стабильности и покоя. В целом имущие были более лояльны, для них потребность в покое становилась сильнее, чем стремление к свободе¹⁰³. Однако такая ситуация сложилась *лишь после Ахейской войны*, и проецировать ее на предыдущие события едва ли оправданно.

Характер Ахейской войны следует определять, лишь исходя из тех целей и задач, которые ставило перед собой руководство союза, начиная ее. Главной целью войны было добиться независимости от Рима, ради этого она и велась. Все остальное: социальная демагогия лидеров, послабления народу, заигрывания с толпой, военная диктатура Диея, экспроприация у богатых денег на войну, репрессии против оппозиции - является вторичным либо вынужденным, вносит дополнительные штрихи, но не меняет и не определяет ее сути.

Конечный вывод: это была прежде всего и именно национально-освободительная война, хотя и осложненная различными внутренними факторами: экономическими, социальными, политическими.

Четвёртый параграф Полибий и его роль в римско-греческих отношениях. С Ахейским союзом неразрывно связаны жизнь и деятельность одного из лидеров Ахайи – Полибия. На его примере хорошо видно, насколько неоднозначными и противоречивыми были греко-римские отношения. Проблема социальной опоры римской власти в греческом мире, рассмотренная

¹⁰³ Cornelius Y. Geschichte der Altertums. Koln, 1950. S. 52.

через судьбу отдельных личностей, высвечивает дополнительные нюансы. Полибий, один из тысячи вывезенных в Италию ахейских лидеров, стал другом и наставником Сципиона Младшего. На этом основании некоторые исследователи обвиняют его в сотрудничестве с оккупантами его родины и даже подозревают в нём «римского секретного агента»¹⁰⁴. Несправедливость подобных обвинений представляется очевидной. Полибий всегда оставался патриотом Эллады, но следует учитывать его прагматизм. Вероятно, он прекрасно понимал, что сохранить независимость не удастся, поэтому лучше избежать ненужных и излишних жертв. Надо было вживаться в новые условия, которые уже не зависели от воли одного человека, и надо было думать о будущем. Полибий – один из тех, кто подготавливал будущий симбиоз греков и римлян.

При этом, находясь в дружбе с лучшими представителями римской знати, он, как и все греки, квиритов в целом должен был воспринимать как варваров. Здесь мы не согласны с Ф. Уолбэнком, полагавшим, что мегалополец в своем труде фиксировал восприятие римлян греками, но сам его не разделял¹⁰⁵. Даже выдающемуся человеку трудно подняться над этническими стереотипами своего времени. *Двойственность положения Полибия заключалась в том, что одни качества римского характера его восхищали, другие – не могли вызвать его одобрения; он был лоялен Риму, но одновременно пытался всячески облегчить участь эллинов и Эллады.* Он организовал побег из Рима царевича Деметрия, помог Локрам Эпизефирским освободиться от обязанности поставлять Риму войска. Только благодаря ему вернулись на родину уцелевшие ахейские аристократы, вывезенные в Италию. Все эти его действия не соответствовали римским интересам, скорее – противоречили им. Но продиктованы они были именно его пониманием своего морального долга перед эллинами (см.: Polyb. XXXVIII. 6. 7). Благодаря доверию и расположению к нему римлян, Полибий в качестве посредника между Римом и Грецией много сделал для смягчения их взаимоотношений.

Пятый параграф *Блоссий из Кум и восстание Аристоники*. Работы Дадли¹⁰⁶ и Ю.Г.Чернышова¹⁰⁷ позволили по новому взглянуть на политическую

¹⁰⁴ Mommsen Th. Romische Geschichte. Bd. II. Berlin, 1903. S. 451; Momigliano A. The Historian's Skin // Momigliano A. Essays in Ancient and Modern Historiography. Oxford, 1977. P. 68.

¹⁰⁵ Walbank F.W. Polybius and Rome's Eastern Policy // JRS. 1963. Vol. LIII. P. 8-11.

¹⁰⁶ Dudley D.R. Blossius of Cumae // JRS. Vol. 31. 1941. P. 94-99.

¹⁰⁷ Чернышов Ю.Г. Блоссий из Кум, политический консультант // Полития. № 2 (12). 1999. С. 214-223.

деятельность философа Блоссия – помощника Тиберия Гракха, затем – одного из руководителей восстания Аристоника. Эти исследователи обратили внимание на то обстоятельство, что философ принадлежал к кампанской фамилии, боровшейся против римлян на стороне Ганнибала. Их общий вывод – он неприязненно относился к нобилитету, хотя сам принадлежал к старинной кампанской аристократии. Отмечая, что Блоссий стоял на довольно радикальных позициях и стремился к обострению любой политической ситуации, представленные работы, однако, не дают объяснения, каковы были его цели. Представляется, что конечный вывод может быть более жёстким. Возможно, есть основания говорить о неприязни Блоссия к римскому государству, а не только к нобилитету. Это могло объясняться как памятью о казнённых римлянами предках, так и ущемлённым положением Кампании, не имеющей римского гражданства.

Нельзя исключать, что участие Блоссия в самых острых событиях римской истории и его личная роль в усилении восстания Аристоника явились следствием его осознанного желания причинять вред самому римскому государству, завоевавшему его родину. В таком случае для него главным были не забота об итальянском крестьянстве и населении Пергама, а сама возможность создать дополнительные проблемы для этого самого государства. Полибий стал связующим мостом между греками и римлянами, пытался примирить их друг с другом. Блоссий, как нам кажется, олицетворял собой и своими действиями антиримскую тенденцию, видимо, свойственную значительной части итальянской знати даже через сто лет после завоевания Италии Римом.

Всё вышеизложенное – это всего лишь наша гипотеза, попытка объяснить движущие силы поступков философа так, как мы их видим. Возможно, прав Ю.Г. Чернышов, и нелюбовь к нобилиям сочеталась у Блоссия со стремлением к справедливости и уравнительными тенденциями. Нельзя категорически отрицать, что он хотел блага народу и действовал жёстко, как и любой человек, фанатично увлечённый идеей насильственного улучшения мира. Но и в этом случае возникает вопрос – вред или пользу Риму принесла его деятельность? Ответ очевиден.

Классовая принадлежность не помешала аристократу Блоссию стать одним из руководителей антиримского восстания. Не приходится сомневаться, что даже в Италии, давно покорённой Римом, далеко не все местные аристократы готовы были поддерживать римское владычество. В восточном Средиземноморье, особенно в период его завоевания, эллинистическая верхушка тем более не могла сразу же и безоговорочно перейти

на позиции римских сторонников. Нельзя игнорировать вывод А. Шервин-Уайта – успехи Аристоники показывают, что он получил некоторую поддержку от военных и зажиточных слоев населения Пергама¹⁰⁸. Отсюда очевидно, что проблему социальной опоры Рима на Востоке нельзя решать в плоскости только классового подхода.

Пятая глава - «Идеологические аспекты: филэллинизм, греко-римские отношения и проблема преемственности культур». Первый параграф: Освобождение Греции (196 г. до н.э.) и филэллинизм. Греков и римлян сближало наличие общего политического устройства, не существовавшего больше нигде в мире – полиса. Превосходство эллинской культуры и желание римлян учиться и перенимать её достижения давали основу для будущего синтеза культур и формирования на этой основе единой средиземноморской цивилизации, впитавшей достижения и других народов и, в конечном счёте, качественно превзошедшей и культуру и экономику эллинизма.

При этом филэллинизм в политике никак не проявлялся, это было «культурное течение» в среде римских нобилей, не переносимое в политическую сферу, где главным критерием являлась безусловная польза Республики. Этот тезис подробно обосновывается в работе на примере «освобождения» Греции в 196 г. до н.э. В параграфе отмечены многочисленные факты, когда римские политики, известные как филэллины, совершали настоящие преступления против эллинов – уничтожая население целых городов, явно пренебрегая интересами греков, вывозя в Италию огромную добычу, в том числе – изъятые из храмов статуи богов.

Второй параграф Римляне и греки: некоторые аспекты взаимного восприятия. Взаимное восприятие двух народов долго оставалось негативным, для греков римляне в целом были и оставались варварами, более того - грубыми и жестокими завоевателями Эллады. Многочисленные нелестные высказывания римских авторов о греках сочетаются с упоминающимися в источниках проявлениями пренебрежительного отношения эллинов к самим римлянам и их культуре. В параграфе подробно рассматривается проблема «несхожести» двух народов и их мировоззрений. На этой основе делается вывод, что различий было больше, чем сходства, и одной из причин взаимной неприязни можно признать некоторую степень «ментальной несовместимости», которая осложняла (но не делала невозможными) контакты римлян с греками.

¹⁰⁸ Sherwin-White A.N. Roman foreign policy in the East. 168 B.C. to A.D. 1. London, 1984. P. 86.

Синтез культур стал делом будущего и завершился не ранее I в. н.э., но начало процессу было положено ещё во II в. до н.э. и роль римлян в этом была неизмеримо больше. Пока греки с высокомерным одобрением наблюдали за тем, как римляне осваивают и впитывают их более высокую культуру, квириты на её основе создавали свой собственный мир, не просто перенимая, а развивая чужие достижения и приспособлявая их к своему менталитету. Поэтому утверждения о несамостоятельности римской культуры, отсутствии в ней творческого характера нам представляются не соответствующими действительности и глубоко ошибочными.

Шестая глава «Рим и Египет. Октавиан, Антоний и Клеопатра: Запад против Востока». Первый параграф *Рим и Египет (конец III – середина I в. до н.э.)* содержит краткий обзор римско-египетских контактов от их возникновения и до середины I в. до н.э. Этот обзор необходим для более полного понимания последующих событий.

Первый официальный контакт между Римской республикой и Египетским царством Птолемеев состоялся в 273 г. до н.э. при Птолемее II Филадельфе (Justin.18.2.9; Val.Max.IV.3.9; Dion.Hal.20.14.1-2; Dio.fr. 41=Zon.8.6.11). Он завершился установлением дружеских и равноправных отношений. Египет, оказавшийся в международной изоляции, нуждался в новых союзниках. Для Рима же, только входящего в большую средиземноморскую политику, установление дипломатических отношений с Птолемеями было очень престижно. Оно демонстрировало признание за Римской республикой статуса великой державы, что должно было льстить самолюбию сената.

Отношения равенства между Египтом и Римом просуществовали лишь до 204 г. до н.э., когда опека над малолетним Птолемеем V официально была передана Риму в надежде, что он защитит страну. Следовательно, не только Птолемеи, но и весь Египет оказался под опекой Рима. Бессилие Птолемеев в борьбе против Селевкидов неизбежно ставило страну в зависимое положение при контактах с могучим Римом, в помощи которого она нуждалась.

Установление римской опеки над египетским царем стало важным рубежом, в корне изменившим сам характер римско-египетских отношений. Воспользовавшись внутренними и внешними затруднениями своего друга и союзника, римляне превратили Египет не просто в опекаемую, а в зависимую страну. Фактически подчинив её, римляне в то же время не выполняли принятые на себя обязательства по её защите. Египетские интересы фигурировали во внешней политике Рима лишь тогда, когда это было выгодно ему и только ему.

Далее в параграфе кратко анализируются римско-египетские отношения до середины I в. до н.э. Приводятся факты, опровергающие мнение о традиционной

дружбе двух государств. Отношения развивались в рамках трёх циклов, окончание каждого из которых знаменовалось усилением зависимости Египта. Особенно заметно это на примере завещания Птолемея Александра, впоследствии используемого сенатом для давления на Египет, и при правлении Птолемея Авлета, восстановленного на египетском троне силой римских легионов (см.: Liv. Epit. 105; Dio Cass. 39.55-58).

Нагнетание враждебности населения Египта к римлянам вылилось в вооружённый конфликт (Александрийская война), закончившийся гибелью Птолемея XIII и воцарением Клеопатры в 47 г. до н.э. Устоявшееся мнение, что Цезарь не обратил Египет в провинцию из-за любви к Клеопатре едва ли соответствует действительности. Скорее, права А.И. Павловская – видимо, упорство, с каким александрийцы воевали восемь месяцев, и ненависть, с какой многие из них относились к римлянам, удерживали Юлиа от соблазна присоединить страну к римским владениям¹⁰⁹.

Второй параграф *Октавиан, Антоний и Клеопатра: Запад против Востока*. Для последнего периода римско-египетских отношений очень много завязано на личностях Цезаря, Антония и Клеопатры, Октавиана. Вместе с тем мы уверены, что роль их личных качеств в последующих событиях безмерно преувеличивают. За каждым из них стояли определённые силы, интересы и, что намного важнее, – определённые тенденции, носителем и выразителем которых и являлся каждый из них. Дело не в людях, а в системах, частью из которых являлось каждое действующее лицо. Если мы это не поймём, то возможно только поверхностное понимание сути судьбоносных для Египта событий второй половины I в. до н.э. Клеопатра была представительницей старой и уже нежизнеспособной идеи традиционной эллинистической автаркии. Марк Антоний – типичный представитель периода смут, в которых он чувствовал себя как рыба в воде; носитель уже ненужного и вредного римскому государству принципа «равной силы нескольких влиятельных лиц». По большому счёту, оба они были «вчерашним днём истории» и не могли иметь исторической перспективы в новых условиях.

Успешность Цезаря и Октавиана, помимо прочих обстоятельств, объясняется ещё и тем, что оба правильно уловили общую тенденцию эпохи: исторически созревшую потребность общества и государства в переменах, в установлении стабильного «имперского мира» в рамках единой державы и, вопреки римским традициям, в условиях единоначалия.

¹⁰⁹ Павловская А.И. Эволюция социально-политических основ власти Птолемеев в III-I вв. до н.э. // Проблемы античной культуры / Ред. Г.А. Кошеленко. М., 1986. С. 73.

Отдельные проблемы, касающиеся личности, нам представляются очень важными, и не только потому, что лишённая человека история превращается в голый схематизм. Они позволяют глубже понять эпоху, побудительные мотивы её героев и неудачников, внести новые оттенки в объяснение событий. Поэтому нам кажется необходимой постановка проблемы: Марк Антоний и Клеопатра: горячая любовь или холодный расчёт? Суть проблемы – самостоятельную или подчинённую интересам Египта политику проводил Антоний. Общий вывод: в личных отношениях триумвир был зависим от Клеопатры, но его политические действия определялись только интересами Рима (как он их понимал) и его собственными властными устремлениями. Именно интересы государства привели к аннексии Египта Октавианом, сумевшим представить войну с Антонием как столкновение Запада с Востоком, определяющим будущие судьбы державы.

В заключении работы подводятся общие итоги исследования и делаются основные выводы.

Отправной точкой восточной политики Рима следует признать римско-карфагенское противостояние. На Востоке сначала он действовал в амплуа союзника, что требовало большой гибкости и осмотрительности. Затем ситуация и успехи Рима позволили ему стать гегемоном Востока. Привыкнув к этой роли, он стал целенаправленно переводить свой статус на более высокий, добиваясь уже абсолютного доминирования. Агрессия Римской республики на восток отнюдь не была вынужденной, однако, не была она и планомерно продуманной. На каждом конкретном этапе сенат ставил перед собой конкретную узкую задачу. Мозаика межгосударственных отношений была так сложна, а самих государств было так много, что даже самая сильная держава ничего не добилась бы, сделав ставку лишь на грубую силу.

Устоявшееся представление о балансе сил между Египтом, Селевкидами и Македонией – построение искусственное и не соответствующее реальности¹¹⁰. Точно так же неудачен термин «политическое равновесие», по крайней мере – с конца III в. до н.э. Крупнейшие эллинистические державы просто не имели сил поглотить друг друга, так что скорее это было вынужденное состояние «стабильной нестабильности». Наконец, что важно, цари никогда не имели цели установить «равновесие», и в тех случаях, когда ситуация позволяла – стремились захватить соседнюю страну, нисколько не беспокоясь, что тем самым нарушат равновесие, устранив из него

¹¹⁰ Ср.: Heinen H. The Syrian-Egyptian Wars and the new kingdoms of Asia Minor // САН. 2nd ed. Vol. VII. Part 1. The Hellenistic world. Cambridge, 1984. P. 445.

одного из участников. В сложном клубке межгосударственных отношений не было места симпатиям, всё определялось интересами. Поскольку ситуация и интересы менялись, это и приводило к хронической нестабильности во всём восточном Средиземноморье.

Переплетение непримиримых интересов и нестабильность, сопровождаемые частыми войнами, мешали нормальному развитию экономики, торговли, социальной жизни, даже культуры. Довлели не созидательные, а разрушительные тенденции. Именно поэтому в политике господствовала стратегия лавирования, как неосознанное выражение исторической потребности в стабильности.

Многие страны созрели для того, чтобы пожертвовать частью своих интересов ради желанной стабильности. Чтобы переориентировать своё вечное лавирование на ставку на одну-единственную силу, способную законсервировать и сохранить в неизменном виде сложившуюся систему политической раздробленности. К большему: развитию ситуации и политическому, экономическому объединению – они не стремились. Рим верно понял эту общую тенденцию эллинизма. И избрал единственно возможную стратегию, внушая «друзьям», что захватов не будет, а будет заботливая гегемония. И в этом он был предельно искренен и говорил правду. Такая политика соответствовала интересам сената, не имеющего пока планов аннексии и заинтересованного в раздробленности и ослаблении Востока, поскольку на первых порах Риму нужно было только доминирование. К большему он и не стремился вплоть до перелома 40-х годов II в. до н.э. Интересы Рима, соединившись с интересами слабых, но многочисленных стран, и сделали его гегемоном Средиземноморья. Это и есть главная причина его успеха. Ситуативный обман заключается в том, что логика исторического развития в будущем неизбежно привела и сам Рим к потребности в стабильности, которой теперь можно было достичь лишь аннексией чрезмерно размножившихся «друзей и союзников».

После 168 г. до н.э. в восточной политике Рима отчётливо прослеживается стремление подмять ослабленные государства и ослабить другие, ещё сохранившие силу. Первая половина II в. до н.э. знаменовалась становлением глобальной римской политики. Однако уже вторая его половина отмечена явной деградацией римской дипломатии. Упрощение цели привело и к упрощению политики.

Анализ конкретики не позволяет согласиться, что отношение римлян к грекам отличалось от политики к другим народам. Филлелинизм затронул почти всю верхушку, но на политике «греколюбие» никак не отражалось¹¹¹.

¹¹¹ См.: Wardman A. Rome's Debt to Greece. London, 1976. P. 13, 35.

Со временем сложилась определённая культурная близость двух народов, но проецировать её на II и даже I век до н.э. невозможно. Само завоевание, кровавое и жестокое, не могло быть благом, но в исторической перспективе оно – акт, достаточно положительный, хотя и проявившийся намного позже.

Главная причина кризиса эллинского мира заключается в том, что он нёс в себе **неистребимую тенденцию к политической раздробленности**. Это хорошо видно как в маленькой Греции, так и в огромном эллинистическом мире. Рим изначально, с италийских войн, нёс в себе **стремление к собиранию земель, эллины – к автаркии** полисной, государственной, даже державной. Именно в этом заключается самая важная причина победы Рима, и этим он намного выше греков. Наконец, поглощение греческого Востока Римом предстаёт предпочтительнее, чем захват его Парфией. Последняя ориентировалась на возрождение паниранских традиций Ахеменидов, между тем как Рим стал преемником традиций эллинизма¹¹². Греческая культура, воспринятая и трансформированная Римом, стала основой грядущей европейской.

В специфике римской дипломатии кроме известного лозунга «разделяй и властвуй» следует выделить ещё один важный фактор. Для него мы предлагаем специальный термин «**двойная дипломатия**», - это такие действия римского сената, когда любое ответное действие и даже бездействие оппонента шло на пользу одному только Риму. Специфичнейшая особенность, присущая достижениям только римской дипломатии - царские завешания в пользу Рима. Зависимый правитель объявлял своим наследником сенат и народ римский, и держава без всякой войны существенно увеличивала свою территорию.

Из всего вышесказанного - несколько концептуальных выводов.

1. В историографии часто употребляется термин «римский империализм». Чисто терминологическим это неверно и является порождением модернизма. Но типологически термин оправдан. Империализм – это не обязательно прямая форма господства. Если признать, что это стремление к доминированию и гегемонии, что это образ мышления и способ действия, то римляне были явными империалистами.

2. Вопрос о причинах успешности или неуспешности отдельных наций и государств в мировой политике. Индекс внешнеполитической и дипломатической успешности Рима был невероятно высок. Потому что римское правительство думало об интересах только своего народа и только своего государства. Высшая цель – благо Рима. Нравственно то, что полезно Риму.

¹¹² Фролов Э.Д. История эллинизма в биографиях его творцов // Бенгтсон Г. Правители эпохи эллинизма. М., 1982. С. 12.

Зачастую это оборачивалось жестокостью к другим народам и другим государствам. В этом и заключается проблема моральной оценки внешнеполитических действий. Макиавеллизма в агрессии Рима было ничуть не больше, чем в политике эллинистических стран.

Отсюда – 3. Насколько совместима внешнеполитическая успешность с моралью и нравственностью? Ответ: к сожалению – ни насколько. Это реальность бытия, которую следует принять как факт. Здесь весьма уместен афоризм Ж.-Ж. Руссо: «Если полагать цель жизни в успехе, то гораздо естественнее быть подлецом, чем порядочным человеком».

Только государство, превыше всего ставящее свои интересы, без оглядки на то, что это принесёт другим, способно чего-то добиваться в жёстком до жестокости мире дипломатических противостояний. Так было, так есть и так будет. До тех пор, пока существуют государства и нации.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях

1. Беликов А.П. Эпирские события 167 г. до н.э. // Вестник Ленинградского университета. Серия 2. История. Язык. Литературоведение. - Вып. 1. 1989. - 1 пл.
2. Беликов А.П. Римский филоэллинизм и «освобождение» Греции в 196 г. до н.э. ЛГУ. – Ленинград. Деп. в ИНИОН СССР 14.03.1990. № 41311. - 1 пл.
3. Беликов А.П. 2 Пуническая война и политика Филиппа V // Проблемы истории и историографии зарубежных стран: Материалы Межвузовской научной конференции. – Петрозаводск: КГУ, 1990. - 0,2 пл.
4. Беликов А.П. «Свои» и «чужие» в психологии древних римлян // Материалы докладов 1 Региональной конференции молодых ученых. Ч. 1. Общественные науки. – Актобинск: АПИ, 1990. - 0,13 пл.
5. Беликов А.П. Причины 1 Иллирийской войны // Материалы докладов 2 Региональной научной конференции молодых ученых. Ч. 1. Общественные науки. – Актобинск: АПИ, 1991. - 0,13 пл.
6. Беликов А.П. Зарубежная историография политики Рима на Балканах // Батыс Казакстан жас галымдараның 4-ғылыми конференциясы. – Актобе: АПИ, 1993. - 0,13 пл.
7. Беликов А.П. Истоки римского империализма// Актуальные вопросы исторической и юридической науки. – Ставрополь: СГПИ, 1994. - 0,2 пл.
8. Беликов А.П. Циклическая теория и история древнего Рима // Циклы природы и общества: Материалы 3 Международной конференции. Вып. 1 и 2. – Ставрополь: СУ, 1995. - 0,2 пл.

9. Беликов А.П. Древний Рим: человек и история // Развитие исторического образования в России и зарубежных странах: Межвуз. сборник статей. – Ставрополь: СГПУ, 1995. - 1 п.л.
10. Беликов А.П. Проблема Ахейской войны 146 г. до н.э. // Вестник Ставропольского государственного университета. Вып. 4. Исторические и социально-экономические науки. – Ставрополь: СГПУ, 1996. - 1,2 п.л.
11. Беликов А.П. Правовое оформление власти римских императоров // Материалы 2 конференции профессорско-преподавательского состава. Вестник Ставропольского университета. Вып. 1. – Ставрополь: СУ, 1996. - 0,13 п.л.
12. Беликов А.П. Педагогическое наследие древнего Рима // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру: Материалы 1 Международного конгресса. – Пятигорск: ПГЛУ, 1996. - 0,2 п.л.
13. Беликов А.П. Циклы моральной усталости общества как фактор исторического процесса // Циклы природы и общества: Материалы 4 Межвуз. научной конференции. Ч. 1. – Ставрополь: СУ, 1996. - 0,2 п.л.
14. Беликов А.П. Торговля и предпринимательство в древнем Риме // Развитие экономики и предпринимательства в России и за рубежом: Межвуз. сборник научных статей. – Ставрополь: СГПУ, 1996. - 1 п.л.
15. Беликов А.П. Историография основных проблем 1 Македонской войны // Политическая история и историография. От античности до современности. Вып. 2. – Петрозаводск: КГУ, 1996. - 0,65 п.л.
16. Беликов А.П. 3 Македонская война: проблема вины сторон // Вестник древней истории. - 1997. № 3. - 1 п.л.
17. Беликов А.П. Экспансия Рима в Восточном Средиземноморье: основные проблемы // Вестник Ставропольского университета. Вып. 1,2. - Ставрополь: СУ, 1998. - 0,5 п.л.
18. Беликов А.П. Правовой статус вассальных царей Римской республики // Вестник Ставропольского университета. Вып. 1,2. – Ставрополь: СУ, 1999. - 0,13 п.л.
19. Беликов А.П. Проблема соотношения внутренних и внешних причин ослабления Селевкидского царства // Лосевские чтения: Материалы научно-технической конференции в Новочеркасском политехническом институте. - Ростов-на-Дону: НПИ, 1999. - 0,13 п.л.
20. Беликов А.П. Первый этап римско-египетских отношений (273-200 гг. до н.э.) // Древние и средневековые цивилизации и варварский мир. - Ставрополь: СГУ, 1999. – 0,5 п.л.
21. Беликов А.П. Парфянский поход Красса: военно-технический аспект // *Para bellum*. - Санкт-Петербург, 2000. № 12. - 0,9 п.л.
22. Беликов А.П. Завещание Аттала III: историографический, дипломатический и психологический аспекты // Антиковедение на рубеже тысячелетий:

междисциплинарные исследования и новые методики: Материалы докладов. - М., 2000. - 0,13 п.л.

23.Беликов А.П. Материальные источники о восточной торговле Рима в III-I вв. до н.э. // VII научные чтения памяти профессора Н.П. Соколова в Нижегородском государственном университете (27-28 октября 2000 г.): Материалы докладов. - Нижний Новгород: НГУ, 2000. - 0.13 п.л.

24.Беликов А.П., Литвиненко Ю.Н. Древние цивилизации // История. Ч.1. - Ростов-на-Дону, 2000. - 2 п.л.

25.Беликов А.П. Октавиан и Антоний: война компроматов // Историческая наука на рубеже тысячелетий: Материалы докладов. - Тюмень, 2000. - 0,2 п.л.

26.Беликов А.П. Провинции Римской республики как форма коллективной собственности квиритов // Экономика. Право. Печать. Вестник Кубанского социально-экономического института. Научный и информационно-методический журнал. - Краснодар: КСЭИ, 2000. № 1-3 (6-8). - 0,2 п.л.

27.Беликов А.П. Восточные войны и изменения менталитета древних римлян // Проблемы повседневности в истории: образ жизни, сознание и методология изучения. - Ставрополь: СГУ, 2001. - 0,2 п.л.

28.Беликов А.П. Историография проблемы гибели Селевкидского царства // Актуальные проблемы исторической науки: Материалы 44 научно-методической конференции «Университетская наука – региону». - Ставрополь: СГУ, 2001. - 0,2 п.л.

29.Беликов А.П. Альтернативы оформления власти Рима: клиента или провинция? // Античное общество IV. Власть и общество в античности: Материалы конференции антиковедов 5-7 марта 2001 г. - СПб.: СПбГУ, 2001. - 0,2 п.л.

30.Беликов А.П. Цена авантюры Красса: Плутарх о потерях римских войск в Парфии // Античность: общество и идеи: Сб. статей. - Казань: КГУ, 2001. - 0,35 п.л.

31.Беликов А.П. К вопросу об этнической принадлежности жертв «Эфесской резни» // Ставропольский альманах общества интеллектуальной истории. Вып. 1. - Ставрополь: ПГЛУ, 2001. - 0,7 п.л.

32.Беликов А.П. Пределы влияния сословия всадников в поздней Римской республике // Жебелёвские чтения-III: Материалы докладов научной конференции 29-31 октября 2001 г. - СПб.: СПбГУ, 2001. - 0,2 п.л.

33.Беликов А.П. Квирит как homo ethnicus // Античность в современном измерении: Материалы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 35-летию научного кружка «Античный понедельник». - Казань: КГУ, 2001. - 0,2 п.л.

34.Беликов А.П. «Фракийский вопрос» в международных отношениях II в. до н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности

и средние века: Материалы X международной научной конференции (29 мая – 3 июня 2001 г.). – Ростов-на-Дону: РГПУ, 2002. – 0,2 п.л.

35.Беликов А.П. Становление восточной политики древнего Рима: причины и цели // Актуальные проблемы всеобщей истории: Межвузовский сборник научных статей. Вып. 1. – Ростов-на-Дону: РГПУ, 2002. – 0,45п.л.

36. Беликов А.П. Отечественная историография восточной политики Римской республики. СГУ. – Ставрополь. Деп. в ИНИОН РАН 14.05.02. № 57211. – 1,25 п.л.

37.Беликов А.П. Рим, Карфаген и Иллирия в 240-219 гг. до н.э.: прелюдия восточной политики Римской республики. СГУ. – Ставрополь. Деп. в ИНИОН РАН 14.05.02. № 57210. – 1,83 п.л.

38.Беликов А.П. Восточная политика римской Республики в вузовском курсе истории древнего Рима // Гуманитарное образование в современном вузе: традиции и новации: Материалы региональной научно-практической конференции. – Краснодар: КГУ, 2002. – 0,13 п.л.

39.Беликов А.П. Римские нобили и греческие аристократы: проблема взаимного восприятия // Материалы международной научной конференции «Проблемы повседневности в истории: образ жизни, сознание и методология изучения». – Армавир: АГПИ, 2002. – 0,2 п.л.

40.Беликов А.П. Марк Антоний на Востоке: скрытая мотивация поступков // Исторические персоналии: мотивировка и мотивации поступков: Материалы Всероссийской научной конференции 16-17 декабря 2002 г. – СПб.: МАИП, 2002. – 0,2 п.л.

41.Беликов А.П. Римляне и евреи – становление и развитие взаимного восприятия // Учёные записки МГПИ. Исторические науки. Вып. 3. – Мурманск: МГПИ, 2002. – 0,35 п.л.

42.Беликов А.П. Рим и Парфия: истоки взаимного неприятия // Античный мир и археология. Вып. 11. – Саратов: СГУ, 2002. – 0,13 п.л.

43.Беликов А.П. Blossius versus Roma, или новый взгляд на «философа-демократа» // Μνημα: Сборник научных трудов, посвящённый памяти профессора Владимира Даниловича Жигунина. – Казань: КГУ, 2002. – 0,4 п.л.

44.Беликов А.П. Причины перехода к провинциальному устройству римской Республики // Актуальные проблемы всеобщей истории: Межвузовский сборник научных статей. Вып. 2. – Ростов-на-Дону: РГПУ, 2003. – 0,45 п.л.

45.Беликов А.П. Болезнь и смерть Аттала III: попытка историко-медицинской реконструкции // Наука и образование: Известия южного отделения Российской академии образования и Ростовского государственного педагогического университета. – Ростов-на-Дону: РГПУ, 2003. № 1. – 0,45 п.л.

46.Беликов А.П. Торговля Родоса с Северным Причерноморьем после 168 г. до н.э. // Международные отношения в бассейне Чёрного моря в

древности и средние века: Резюме докладов XI международной научной конференции (31 мая-5 июня 2003 г.). - Ростов-на-Дону: РГПУ, 2003. - 0,13 п.л.

47.Беликов А.П. Рим и эллинизм: проблемы политических, экономических и культурных контактов. – Ставрополь: СГУ, 2003. - 23,42 п.л.

48.Беликов А.П. Полибий между греками и римлянами: оценка политической деятельности историка // Вестник древней истории. - 2003. № 3. – 1,1 п.л.

A handwritten signature in black ink, consisting of stylized Cyrillic letters, likely 'А.П. Беликов'.

Изд. лиц.серия ИД № 05975 от 03.10.2001	Подписано в печать 18.11.2003	
Формат 60×84 1/16	Усл.печ.л. 2,73	Уч.-изд.л. 2,37
Бумага офсетная	Тираж 100 экз.	Заказ 260

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
Ставропольского государственного университета.
355009, Ставрополь, ул.Пушкина, 1.